

Дарья Дезомбре

МОСКВА
РѢКА
•
MOSKVA
FLUVIVS

ПРИ
ЗРАК
НЕБЕС
НОЮГО
ИЕРУСА
ЛИМА

Дарья Дезомбре
Призрак Небесного Иерусалима

© Дезомбре Д., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Маме

«Искание правды, неутолимое русское стремление строить жизнь с Богом и по-Божьи, взыскание Града Божия, Китеж-Града, скрывавшегося от зла, разве пропало в нас? Не вы ли его искали, этого Града Божия, потерявшие «град родимый», ныне трудящиеся во имя Града?»

И. Шмелев

«Тот, кто борется с чудовищами, должен остерегаться того, чтобы самому не стать чудовищем».

Ф. Ницше

Пролог

5 месяцев назад

Холод, какой же все-таки холод! Катя по прозвищу Постирушка, бомжиха со стажем, зябко поежилась. Она не любила площадей, а эту – в особенности. Чувствовала себя на ней одинокой и маленькой, беззащитной перед возможной опасностью. Себе говорила, что слишком уж много тут шляется ментов, но каким-то животным инстинктом чуюла: опасность таится сверху. Стоишь на выпуклой твердыне рядом с Лобным местом и будто сама предлагаешь себя беспощадным небесам.

Оглядевшись, Катя стала себя корить: и чего приперлась? Иностранцев, с которых можно было бы снять сто рублей, – кот заплакал. Рано еще. Даже работники ГУМа не подтянулись. Только какие-то курсантики на другой стороне догуливают «ночное» – но с этими что разговаривать?

А холод, какой все ж таки холод! И ветер гуляет, и такое чувство одиночества в этих утренних тоскливых сумерках, что Кате захотелось срочно принять на грудь. Однако денег не было и не предвиделось.

Как вдруг... как вдруг показалось Постирушке, что Боженька сверху погрозил ей пальцем и сказал нечто вроде: раба Божия Катерина, прах ты, конечно, и тлен... Но так и быть – вот тебе от меня сувенир!

Недалеко от оградки Покровского собора лежал большой красивый пакет с логотипом ГУМа на белом боку. Катя аж задрожала от нетерпения: в пакете был, точно был, боженькин подарочек! Она повернулась к храму, перекрестилась благодарственно и поспешила к «подарочку». Внутри лежало нечто, обернутое белой бумагой в коричневых пятнах. Катя на пятна внимания решила не обращать и, не снимая продырявленных перчаток, разорвала обертку, высвободив сначала нечто продолговатое, белесое, в черных

волосках, а потом и судорожно сведенные пальцы, с синими ногтями, сжимающие небольшую картину. Так, картинку: темная деревня, странное, чересчур отдающее ультрамарином небо, корова с человеческими глазами, глядящими прямо Кате в душу...

Несколько секунд у нее ушло на осмысление, что перед ней. А потом она закричала, на выдохе, как спела, протяжное:

– Ааааа!

И упала ничком на мощеную многовековую кладку Красной площади, успев отметить перед провалом в черное небытие, как к ней спешат двое полицейских...

Маша

Маша проснулась за пару минут до звонка будильника и некоторое время лежала с открытыми глазами, неподвижно уставившись на стену напротив. На стене, занавешенной любимым папиным турецким ковром, застыл квадрат солнечного света, отчего часть ковра казалась цвета еще более яркого, пламенеющего, а часть – густого темного кармина с черным орнаментом и вкраплением голубого.

Над ковром висела полка с детскими книгами, которые Маша отказывалась отдавать, потому что втайне от матери читала иногда по пять-десять страниц, вытащив в любое время наобум какой-нибудь из затертых корешков и открыв на произвольной странице. Иногда это был сэръ Конан Дойль, иногда Джейн Остин или одна из сестер Бронте. Прочитать почти заученные наизусть родные страницы было тем же, чем для других – просмотреть с ностальгической улыбкой альбом с детскими фотографиями. А вот альбомы Маша смотреть как раз таки не любила. Тяжкое было занятие. Фотографии до двенадцати лет – потому что на них был папа. Фотографии от двенадцати и старше – потому что папы на них не было.

За стеной слышались шорох и придыхание, и Маша, как всегда, инстинктивно от стенки отодвинулась. Ей казалось отвратительным прикосновение – пусть даже через стенку – с тем действием, которое ее мать, всегда выбиравшая четкие определения для всего и вся, называла с какой-то фальшивой приторностью «избавлением от одиночества». Насколько Маша могла услышать – о эти некапитальные стены! – процесс избавления от одиночества у мамы происходил пару раз в неделю. И в эти моменты Маша чувствовала себя не выпускницей-краснодипломницей, умницей и почти красавицей, а девочкой, забытой на перроне и растерянно смотрящей вслед уходящей электричке.

Это было очень неприятное и унижительное чувство. Глупо было обвинять чужого человека, что мылся у них в ванной и варил по своему, особому рецепту кофе на их кухне, что он – что? Занял место папы? Или что он – просто – не папа. Да, вот так. НЕПАПА. Непапа чувствовал Машин антагонизм и, как медик и человек с высшим психологическим, находил для Маши оправдания перед мамой, в душу не лез и дарил дурацкие подарки: например, этот будильник, проигрывающий каждое утро такты из джазовой композиции Глена Миллера.

Будильник взорвался оптимистичным проигрышем, и Маша мстительно дала ему доиграть до конца. В наступившей тишине в соседней комнате шорохи тоже сошли на нет. Маша усмехнулась и потянулась: Глен Миллер, он – как Непапа. Отличный джазист, но не каждое же утро! Маша забрала с прикроватного столика часы, буднично кивнула фотографии на стене – мужчине с вытянутым, тонким лицом и ироничным прищуром, чья начинающаяся лысина делала лоб еще более высоким.

«Доброе утро, папочка, – сказала Маша. – Почему же ты дал себя убить?»

Андрей

В первую секунду Андрей чуть не заорал благим матом от страха, пока не сфокусировал взгляд и не понял: огромная лохматая вонючая морда – не предмет его страшных снов. Но предмет обуявшей его вчера недостойной жалости.

Он возвращался, как обычно, около одиннадцати с Петровки, уставший сам как собака, и остановился купить хлеба в поселковом круглосуточном ларьке. Пес сидел у ларька и остервенело чесался. Пока Андрей распивал у ларька же честно заслуженную после работы бутылку «Балтики», они с псом побалакали. Вкратце – Андрей обрисовал парню свою аналогичную собачьей жизнь. Свое суровое мужское одиночество и общую брезгливость к «дамочкам» (с псом он выражений не выбирал, пес и сам знал, как называются у них особи женского полу), работу на износ и еду по забегаловкам... Поделился и геройским своим вчерашним выходом в кулинары – он зажарил себе из полуфабрикатов десяток котлет, которые и сегодня можно подогреть в микроволновке...

Вот это и оказалось стратегической ошибкой. Пес был не дурак: по крайней мере, про мужскую судьбу он все выслушал понимающе и с достоинством, но вот котлеты... На котлетах псина сломалась: глаза заблестели в летних сумерках особенно жалостливо, хвост забил по растрескавшемуся асфальту, и подобревший после «Балтики» Андрей сам же его и пригласил – решил пожертвовать бедолаге одну котлету. Мужики должны ж друг другу помогать!

Ну-ну. Пес его планов не разделял, а по-хозяйски потрусил за ним на кухню – темный закуток за верандой – и там смотрел глазами казанской сироты до тех пор, пока не съел пять котлет. Причем, граждане, даже не разжевывая, как приличная собака, а так, с горловым звуком, глотал целиком.

– Надо жевать, – говорил ему Андрей, давая следующую. – У тебя так ничего не усвоится (так говорила Андрею мама, когда еще

следила за его питанием).

Но нет – ритм был неизменен: взгляд сироты – бросок ЕДЫ – горловой звук – снова взгляд сироты. Андрею самому пришлось глотать почти целиком оставшиеся котлеты, чтобы не достались хитрой тощей бестии, бьющей на жалость.

– Актеришка недоделанный, – говорил Андрей, попивая чай, когда собака поняла, что мяса больше не осталось, а «Липтон» был явно вне ее компетенции: жалостливый блеск в глазах угас, и она легла рядом со старым, продавленным диваном. – Даже и не думай – спать у себя не оставлю. – И Андрей хотел было вытащить пса за шкирятник. Но тот выскользнул из пальцев, а когда Андрей попытался вытолкнуть наглеца ногой, тут на свет божий опять был извлечен взгляд несчастного страдальца, и Андрей сдался, плюнул и со словами «Черт с тобой, Раневская фигова!» прикрыл дверь из веранды в комнату и залег спать.

А наутро «Раневская», очевидно, сумела открыть лапой дверь. Андрей чертыхнулся, вышел на крыльцо, где висел рукомойник, и умылся. Автоматически снял с гвоздика рядом вафельное полотенце и тут же повесил обратно. Полотенце приобрело уже столь откровенный серо-черный оттенок, что использовать его не представлялось возможным. Андрей строго сказал себе, что надо, надо уже постирать накопившееся белье, и сел на веранде, включив чайник. Пока чайник закипал, он взял вчерашнюю кружку из-под чая, засыпал туда молотого кофе, положил пару кусков сахара, порезал хлеб... и наткнулся на собачий взгляд. «Бедновато живете!» – говорил этот взгляд.

– Не нравится – можешь чесать отсюда, Раневская! – рявкнул Андрей. С утра настроение было неважнецким, а тут он еще вспомнил, что забыл вчера за разговорами с псом купить сыру к завтраку.

Раздался звонок мобильного. Андрей выслушал и тихо выругался. С утра, как уже отмечалось, настроение было неважным. И надо

сказать, вырисовывающийся день не сильно способствовал его улучшению.

Маша

– Урсоловича нет! – так сказала Маше раздраженная секретарь в деканате. – Звонить надо было.

– Так ведь расписание... – Маша растерянно топталась рядом с секретаршей, уже поняв, что зря ехала через весь город.

Спускаясь по лестнице, она ругала себя на чем свет стоит. Урсолович подчинялся лишь расписанию лекций. Все, что фигурировало как «работа со студентами», в расчет не бралось. У Урсоловича и кроме дипломников было чем заняться. Маша поначалу очень гордилась тем, что он согласился быть ее научным руководителем, но летели недели, месяцы, и появилась крамольная мысль, что чуть менее именитый преподаватель, чуть менее занятый написанием учебников, статей и конференциями в Принстоне, подошел бы ей много больше. Поскольку диплом она писала вовсе не для преподавателя, не для оценки, не для...

Маша резко затормозила: открытая дверь университетского буфета давала возможность увидеть окромя скучающей буфетчицы сгорбленную спину Урсоловича за дальним столиком у окна. Маша решительно завернула в буфет и направилась прямо к профессору.

– Извините, – сказала она, подойдя к столу. – Нигде не могла вас найти.

Урсолович повернулся к ней оттянутой бутербродом щекой. Сказал: «Озьми себе чау» – и отвернулся.

Маша послушно взяла чай и булочку и пришла обратно, с тоской думая, что за нарушение трапезы Урсолович сейчас «приговорит» ее, как еще одного студента, взятого в «дипломники». Студент тогда вышел из кабинета весь белый, с трясущимися руками и, роняя листки, все исчерканные красным, почти бегом удалился по коридору.

– Не могу есть, когда рядом кто-то просто сидит и смотрит, – сказал ей Урсолович, когда она приземлилась на соседний стул.

Залез в потертый портфель, достал знакомую до боли Машину папку с текстом диплома. И, кое-как вытерев руку бумажной салфеткой, стал листать страницы. Маша обхватила побелевшими пальцами чашку с чаем, как будто ей срочно потребовалось отогреться. Поля были девственно чисты.

– Хорошая работа, Каравай, – сказал он наконец, подняв на Машу близорукие глаза почти без ресниц. – Тянет, при нужной обработке, на кандидатскую. Но ведь в науку ты идти не собираешься, так?

Маша, не отпуская чашки, отрицательно помотала головой.

– Но, видишь ли... – Урсолович откинулся на стуле. – Тема весьма нетривиальная, я бы сказал, специфическая.

Урсолович все так же не спускал с Маши внимательных глаз, и Маше внезапно стало не по себе, а он продолжил:

– Ты знаешь о... кхм, предмете исследования больше, чем знаю о нем я. Да что там: больше, чем кто-либо, думаю, в этом заведении. Такие знания, – и он постучал по папке, – нельзя добыть за год подготовки. И за два нельзя. Можно, если заниматься этим минимум лет пять. Я повторяю – минимум. Это значит, что тема уже была в твоей головке при поступлении на юридический. А теперь скажи мне, дева моя, что в ней такого привлекательного для юной особы двадцати трех лет?

Маша почувствовала, как жаром обдало щеки. А Урсолович вдруг перегнулся через стол и тихо сказал:

– Не поверила, значит?

Маша впервые подняла на Урсоловича глаза, и тот внезапно вспомнил, какого цвета они были у Федора: вот такого же, светло-зеленого, редкого и очень холодного. Она вообще была ужасно на него похожа: те же высокие скулы, крупный, красиво очерченный рот. И взгляд, тоже – «караваевский»: будто глядящий вовнутрь, а не вовне, отслеживающий беспрестанную работу ума.

– Послушай, – зашептал он, хотя рядом никого не было. – Кто бы это ни был, отойди! Не трать свою жизнь на то, чтобы понять! Это знание ничего тебе не даст, а главное – Федора не вернет!

Маша вздрогнула, а Урсолович как оборвал связку взглядами, закрыл папку и сказал совсем другим тоном:

– Остался у меня по работе ряд вопросов и претензий, скорее по структуре. Найдешь их на листке, прикрепленном к библиографии. Все, можешь идти.

Маша кивнула, пролепетала что-то невнятное, вроде «спасибо», забрала со стола папку и сунула в сумку. Урсолович уже не смотрел на нее, и Маша почти бегом направилась к выходу.

– Где у тебя практика? – нагнал ее голос Урсоловича уже в дверном проеме.

Маша затормозила, замерла спиной.

– Петровка, – негромко сказала она.

Урсолович что-то хмыкнул и отвернулся. «Все бесполезно, – подумал он. – Она не отступится – отцовский характер! И кто мог бы себе представить, что за этим невинным взглядом, за этим гладким лбом, русой прядью, по-ученически заправленной за розовое ушко, скрываются чудовища навроде гойевских капричос?»

* * *

Маша шла по коридору, глядя прямо перед собой, упрямо выставив подбородок, всеми силами пытаясь не допустить «лишней влаги» – как называл это отец. Влага готова была излиться из чувства беспомощности и детской злости. Злости на себя саму: ну как, как можно было так глупо себя «рассекретить»? Как тайна, которую она не доверяла ни подругам, ни девичьему дневнику, ни, само собой, матери, могла открыться вот так, против ее воли, почти первому встречному? Почему, почему она не написала диплом по любой другой, более невинной теме? Например, по... И тут Маша на секунду сбилась с шага, потому что придумать другую тему так, с наскака, было невозможно. Тема у нее была одна.

Пять лет минимум, сказал Урсолович. Пять? А десять не хотите ли? Тема оформилась в ее сознании к двенадцати годам, когда девочки окончательно забрасывают кукол. Забрасывают кукол, чтобы заняться...

Андрей

Если бы Андрею сказали, что он страдает типичными комплексами провинциала, более того, бедного провинциала, он бы плюнул тому в лицо. Во-первых, в Москве считать себя провинциалом смешно – к этой категории принадлежит девяносто процентов населения. А те десять, которые твердят о своей старомосковской родословной, – присмотритесь-ка к ним поближе и нарвете ту же тетку в Саранске и дядьку в Приуралье. А Москву – Москву он считал своей, потому как знал ее как свои пять пальцев, и это знание многого стоило.

Первые месяцы «пристоличной» жизни он все выходные колымажил на своем стареньком «Форде» с целью подзаработать и хорошенько узнать город. Андрей привык жить без выходных и не очень знал, что делать со свободным временем: читал он редко, «ящик» презирал, в филармонии ходить был не приучен. Так что свободные часы для него – сплошная маета. Андрей был человеком «прикладным» и в образовавшееся «окно» в работе начинал убирать снятую дачку, рубил дрова для печки или устраивал стирку. Данные занятия его несильно прельщали, потому он и радовался, когда работы было невпроворот.

Андрей смутно понимал, что ему очень повезло принадлежать к тому небольшому проценту населения земного шара, что получает удовольствие от ежедневного труда, оплачиваемого в конце каждого месяца. Удовольствие такое же сильное, какое его отец получал от выпивки по выходным, например. А мать – от выяснения отношений с отцом и от многочасовых телефонных разговоров. Потому для Андрея дорога от дачки на Петровку была тайной радостью.

А комплексы? Ну вот только что он «подрезал» спортивную «БМВ», в которой сидела соплячка лет двадцати. И на кой таким спортивный двигатель? А в Андреевой машине он был совсем нелишним, и отдельный кайф он получал от вытянувшихся от удивления рож владельцев дорогих тачек, которых с независимым лицом «делал»

на перекрестках. «Папа и машинку купил, и права купил, а мозги забыл? – почти с нежностью спросил он мысленно у девочки из «бээмвухи», оставшейся позади. – Ай-ай-ай! Как же так!» – пожурил он неизвестного папу, выглядевшего в его воображении как мистер Твистер, бывший министр – миллионер.

Ловко развернувшись, Андрей въехал на свое обычное место на парковке. В кармане запищал телефон, и бас непосредственного Андреева начальника, полковника Анютина, кратко приказал: явиться. В его кабинет. Через пять минут. Андрей чертыхнулся – он был еще не готов докладывать, но жесткий приказ обжалованию, как водится, не подлежал, и Андрей толкнул дверь начальнического кабинета ровнехонько через пять минут.

Однако докладывать не потребовалось – потому как в кабинете сидела посторонняя девица. Из тех, что он давеча подрезал в спортивном «БМВ».

– Каравай, Мария, – представил неприятную девицу полковник, краснощекий и жизнерадостный как никогда. – Выпускница юрфака МГУ.

«Ну, конечно, – подумал с растущим раздражением Андрей, – чай, не ПТУ в Мухосранске».

Девица встала и протянула узкую ладонь. Андрей ладонь проигнорировал и только склонил голову:

– Андрей Яковлев.

– Андрей – прекрасный сыщик, – расщедрился на комплимент Анютин медовым тоном.

«А не съест ли вам лимону, гражданин начальник?» – задал начальнику вопрос Андрей. Не вслух, конечно. С ним-то полковник разговаривал завсегда рубленой солдатской прозой, и обычно – с целью «секир-башки».

– Я дам вас ему в тандем, – продолжал разливаться соловьем Анютин. – Он многому сможет вас научить.

«Да кто ж она такая?» – зло подумал Андрей.

А Анютин повернулся к Андрею:

– Мария идет на красный диплом...

«Очевидно, папа купил», – закончил про себя Андрей.

– По интереснейшей тематике, – продолжил Анятин. – Серийные убийства, выдаваемые за несчастные случаи. Будет вам отличной помощницей!

Андрей заставил себя снова посмотреть на девицу: пишет диплом по «серийникам»? Да она просто больна на голову. Последняя мысль столь явственно отразилась на Андреевой физиономии, что Анятин вежливо попросил девицу выйти, и она, сжимая какую-то папку (не иначе как со своим бессмертным творением), кивнула и вышла.

Как только дверь за ней затворилась, Анятин резко повернулся к Андрею, мгновенно сменив отеческое «выражение на лице» на начальническое...

Маша

Маша стояла, подперев стенку в коридоре за дверью, и прислушивалась к анютинскому раздраженному басу, без труда представляя себе, что происходит сейчас внутри кабинета. Полковник объясняет на пальцах этому неприятному мужику в дешевых турецких джинсах, что она – блатная (как будто тот этого еще не понял!) и поэтому пусть блатная «попомогает». А неприятный тип – понаставляет ее, как может. Шансов на нормальную работу после такого «силового» вживления Маши в коллектив – ноль.

Хуже всего, что она и правда была блатной и могла предугадать, что получится из ее желания стажироваться на Петровке. Но без блата ей было сюда не попасть, а попасть хотелось – только сюда. И теперь, думала Маша с тоской, джинсовый тип будет ее тихо ненавидеть, расскажет о ней своим коллегам – мужественным сыщикам, и Маша станет белой вороной, которой никто не доверит ничего дельного. А все будут смотреть на нее с холодной иронией и ждать, пока она наконец освободит их от своего тягостного присутствия...

«Лучше бы пошла, как все, на практику в суд, делать копии и варить кофе начальству». На этой мрачной мысли дверь распахнулась, и из нее вылетел Андрей с лицом еще более перекошенным, чем ожидалось.

– Идите за мной, – сказал он. И повел длинными коридорами к дверям другого кабинета, за которыми имелось окно с почившим в бозе кактусом, несколько столов, заваленных папками с документами, и человек десять народу, не обративших на Машу никакого внимания.

Маша обрадовалась: она уже представляла себя тет-а-тет с неприятным следователем, в ледяном молчании сидящим на противоположном конце стола. Присутствие третьих лиц давало призрачную надежду, что раздражение типа рассеется, а она, Маша,

вольется в команду, которая, бог даст, будет к ней более снисходительна, чем этот бука.

Андрей тем временем сдвинул папки и бумаги в сторону и указал рукой на освободившуюся часть стола.

– Ваше рабочее место, – сказал он сухо, сделав ударение на «рабочее» и давая понять, что всем и так ясно: работать она тут будет в последнюю очередь.

Так, блатные штаны просиживать.

Андрей

«Все-таки вся эта история крайне неприятна, – думал Андрей, изредка скашивая глаз на незваную соседку. – Не вовремя Серый ушел на больничный. Не будь тот на больняке, отвратная молокососка досталась бы кому-нибудь другому».

Говорят, есть любовь с первого взгляда. Такой напасти у Андрея сроду не бывало. Но вот, пожалуйста, случилось с ним чувство с точностью до наоборот. Сидит эта Маша, как ее – Каравай? Фамилия-то тоже какая дурацкая! Сидит – вроде всё на месте. Высокая, как сейчас модно (Андрею высокие девушки не нравились по определению. «Определением» в данном случае выступал собственный рост), волосы – прямые, глаза – непонятно какого цвета, светлые, нос тоже не вполлица. Сидит – и бесит Андрея сверх мочи, аж работать тяжело. Бесит лицо без макияжа, руки с обстриженными коротко ногтями и без единого кольца, черная футболка, закрытая, под горло, черные же джинсы, мокасины. Сидит, смотрит на него. Ждет. Чего, интересно?

– Вы меня простите, – говорит девица, а голос у нее тихий, змеиный. – Я понимаю, что вас раздражаю... – На этом месте Андрей покраснел и дернул кадыком. – Но... вы не могли бы мне дать какое-нибудь задание?

«Детский сад! Задание он ей должен давать! Ладно».

Андрей улыбнулся – как ему показалось, значительно.

– Вы меня вовсе не раздражаете, стажер Каравай. А задание... задание должно соответствовать теме ваших научных изысканий. Э... – И он оскалился еще шире, что твой крокодил. – Займитесь-ка, к примеру, сбором информации по статистическому отчету об убийствах, выдаваемых за несчастные случаи за последние два года...

Девица растерянно моргнула...

Андрей был очень доволен своей фразой, особенно пассажем про научные изыскания.

– Вам действительно нужен отчет? – спросила девица.

Андрей вздохнул. Снова фальшиво улыбнулся – уже без значения, а с откровенным раздражением.

– В нашей работе, стажер Каравай, – сказал он, – все может пригодиться. Воды напиться.

И в этот момент зазвонил телефон – срочный вызов. Найден труп. В центре. Выловлен в Москве-реке, чуть ли не прямо под стенами Кремля.

– Еду! – кратко ответил Андрей, с грохотом отодвинул стул, схватил джинсовую куртку с вешалки в углу.

Девица бросила на него взгляд, полный надежды. Очевидно, уже представляла себе, как будет выезжать на задание. Героическая эмгэушная дипломница. И Андрей сделал вид, что взгляда не заметил.

* * *

Ему пришлось припарковаться вдали от места преступления и потом еще долго пробираться сквозь толпу зевак. Место было оцеплено, эксперты начали свою работу, и уже приехала труповозка. Ждали только его, чтобы забрать тело. Андрей тело оглядел, отметив, что убитый – мужчина средних лет – при жизни явно занимался спортом. С интересом рассмотрел наколки на накачанных руках: перстень со змеей.

– Отсидел уже, за убийство, – подтвердил немудреные выводы Андрея молоденький эксперт.

Андрей сделал пару фотографий на свой мобильник – для себя: руки, обезображенное предсмертной гримасой лицо... И кивнул покуривавшим в сторонке товарищам – можете забирать. Когда тело

заносили в машину, голова мужчины внезапно откинулась в сторону – и на затылке стала видна цифра «14».

– Стой! – Андрей подбежал и сфотографировал затылок. И тут только заметил двух подростков лет четырнадцати: девчонка уткнулась мальчишке в плечо, а у парня у самого вид – бледнее некуда. «Свидетели. Бедолаги, – вздохнул Андрей. – У ребят небось первая любовь, романтическое свидание, а тут на тебе – утопленничек. Хорошие воспоминания».

Потом вспомнил свои – о первой-то любви – и развеселился: он бы предпочел покойника. Подошел к парочке:

– Вы нашли?

Мальчишка кивнул.

– Видели что-нибудь?

– Ничего, – ответил мальчик.

Что и следовало ожидать. Андрей ободряюще – как ему показалось, улыбнулся: эдакий молодой комиссар Мегрэ, записал телефончики на всякий случай и отпустил молодняк. Посмотрел вслед, как мальчик трогательно поддерживает девочку за талию, хмыкнул и пошел обратно к экспертам.

– Ну как, есть что? – спросил он с тоской, хотя интуиция уже вовсю дула в свою дуду – ничего там нет, и не надейся. Если что и оставил убийца, то смыло Москвой-рекой.

Обкатало труп, как гладкий, без следов морской камешек.

Маша

Маша сравнительно быстро разжилась архивными папками с делами по убийствам за последние два года – все остальные в кабинете относились к ней без особенного интереса, но и без явного антагонизма, как тот джинсовый следователь. И за что он ее невзлюбил? Она так явно чувствовала его неприятие, что даже голос потеряла, когда спросила про задание. Хорошо еще, что хватило ума не просить взять ее с собой на «выезд на место преступления» – понятно же, никаких тебе выездов, ничего, кроме никому не нужного статистического отчета!

Почему это она себе представляла, что будет в гуще событий – если уж не бежать с пистолетом наперевес за преступником, то уж всяко значимо стоять среди экспертов, следователей Петровки и натренированных овчарок и подавать блестящие догадки. И эксперты будут переглядываться с овчарками – мол, такая молодая, а уже такая... умная! Конечно, Маша понимала, что теоретические знания несопоставимы по значимости с «практическим багажом», но хоть какой-то толк от лучшей студентки в выпуске Маши Каравай мог бы быть, нет? Маша выдохнула и сама не заметила, как по-отцовски упрямо выдвинула вперед подбородок: ну и черт с ним! И она с удвоенным мрачным упорством стала читать заключения следователей, паталогоанатомов, просматривать снимки с мест преступлений...

Пока не наткнулась внезапно на некую странность, а именно: отчет по убийству на Берсеневской набережной. По отчету выходило, что в подвале старой электростанции, ныне – трамвайном депо, были убиты трое. Из них – двое мужчин, одна женщина. Маша внимательно посмотрела фотографии и даже, воровато оглянувшись – на нее все так же никто не обращал внимания, – вытащила лупу из стаканчика на столе у Андрея. Так и есть, лупа подтвердила – на футболках цифры. Черт разберет эти черно-белые

снимки: чем сделаны надписи? Кровью? Кровью покрыты футболки, кровью залиты рты и подбородки. Маша на секунду отвела взгляд. Все ж таки неплохо, что снимки черно-белые. Перешла к протоколам допросов: основной свидетель, нашедший тела, сторож – Игнатъев И. Н.

Маша переписала фамилию в тетрадку и вернулась к фото: лупа один за другим выхватывала детали из мутного фотопространства – связанные ноги, крупные витые серьги на женщине, стулья, поставленные полукругом, и футболки – огромные, балахонистые, безразмерные. Явно не из гардероба жертв. Нет, их принес убийца.

И только с одной целью – на белой большой футболке лучше видны выведенные кровью арабские цифры: 1, 2, 3.

Андрей

Хорошо дружить с патологоанатомом, сказал себе Андрей и усмехнулся – тоже про себя. Кому-то данное утверждение может показаться весьма спорным.

Обладатели специфической профессии подразделяются на два основных подвида. Первый – мимикрирующий. Человек, который весь день возится с трупами, сам начинает походить на своих «клиентов». Вкратце – становится бледен и мрачен. Вторая вариация на тему патологоанатомов – «от противоположного». Что на поверку означает человека румяного, хорошего здоровья, оптимиста со специфическим чувством юмора. Роднит два типажа только склонность к горячительным напиткам, но тут Андрей, не увлекаясь, мог поддержать любую компанию... И ради дела даже такую: он, патологоанатом и трупы, трупы, трупы....

Патологоанатом Паша относился ко второй категории. У парня имелось трое детей и очень деловая жена с собственным бизнесом в сфере туризма. Она ненавязчиво содержала все семейство и откровенно обожала своего мужа: развеселого любителя покопаться в чужих, уже остывших, телах.

Андрей забежал сейчас в морг с одной только целью – узнать от Паши хотя бы что-нибудь, что могло бы пройти под названием «предварительное заключение». Однако у того выдался тяжелый день, плюс концерт у «средненькой в средненькой школе», а детская самодеятельность, парень, – сам поймешь, когда станешь многодетным отцом, – это тебе не шутки!

Поэтому от Андрея Паша просто отмахнулся, бросив только:

– Причина смерти – удушье. Причем под водой. Это раз. Далее – труп обморожен. Возможно, парень скончался вовсе не пару дней назад, как можно было бы судить по состоянию тканей. Это два.

– Постой! – Андрей схватил Пашу за рукав уже надеваемого плаща. – Что значит – обморожен? Лето ж!

– Отстань, – вырвался из захвата Паша и пропел фальшивым фальцетом уже убегая: – Завтра, завтра не сегодня – все лентяи говорят!

И оставил Андрея одного стоять в коридоре морга, в растерянности потирая переносицу...

Маша

Маша отсматривала папки до одиннадцати вечера, пока за окном не стало совсем темно, а в кабинете – пусто. Маша устала: и от документов, и от страшных фотографий, и от неопределимого чувства неловкости, неясности, что ли. Что-то она уже видела в этих папках, связанное с цифрами, что-то там уже промелькнуло... Но что? Будто какая-то тень стояла у нее за спиной. Стоит только оглянуться – и она увидит или поймет что-то. Нечто очень важное. Но тень ускользала, глаза уже устали, и восприятие «замылилось». Сидеть дальше представлялось бессмысленным.

Маша скопировала часть документов и положила в сумку. Пора было уходить – она бросила взгляд на заваленный папками и бумагами стол Андрея. Куда делся? Наверное, сегодня уже не появится. И вышла.

Пройдя через пропускной пункт, она увидела на крыльце знакомую до боли спину в старом плаще.

– Ник Ник! – позвала Маша.

Ник Ник обернулся и широко улыбнулся, обнажив плохо сделанную искусственную челюсть.

Маше впервые пришло в голову, что Ник Ник постарел: он уже не выглядел как папин однокурсник, и Маша с грустью подумала, что папа тоже изменился бы за прошедшие годы – ведь Ник Ник всегда был намного папы спортивнее, занимался единоборствами, играл в теннис, изредка уговаривал отца на совместные походы на лыжах. Так что если уж он сдал, то каким бы сейчас был отец? «Разве это важно? – спросила себя Маша. – Каким бы был, таким и был». И это сделало бы ее жизнь такой счастливой и такой... другой, что и представить нельзя.

Маша с нежностью поцеловала папиного товарища в щеку. Кустистые брови Ник Ника полезли вверх.

– Эй! – Он чуть-чуть от нее отстранился. – А как же конспирация? Забыли, девушка, где находитесь? Я тут для всех уже давно Николай Николаевич. И никаких поцелуев, мало ли кто увидит?

Маша сейчас же оглянулась – и точно: по закону подлости из машины вышел ее новый начальник и, старательно не глядя в их сторону, быстро зашел в здание.

– Черт! – чуть не плача, сказала Маша. – Ты прав!

– Что, рассекретили? – Голос Ник Ника перешел на конспиративный шепот.

– Не смешно. – Маша вздохнула. – Хотя все и так поняли, что я – блатная. Просто не знали, откуда ветер дует. А теперь он будет в курсе, чья я протеже.

– Неприятный тип?

– Ужасно, – призналась Маша.

– Ничего, он еще к тебе приглядится и поймет: есть порох в твоих пороховницах!

– Ну да, – вздохнула Маша. – Как же!..

– Брось. – Ник Ник улыбнулся и с независимым видом задал следующий, извечный свой вопрос: – Ну, а как мама?

Андрей

Однако! – мстительно подумал Андрей. Понятно, на какой «верх» намекал Анютин, многозначительно тыча толстым пальцем в потолок. Сам Катышев. Герр прокурор. Незапятнанная репутация, лучший из лучших, народный мститель. Он, Андрей, к нему не осмелился бы даже подойти сигаретку стрелнуть! А наша красnodипломница с ним вась-вась: по-родственному. Целует в щечку. Андрей от раздражения даже по лестнице стал подниматься, вместо того чтобы сесть в лифт.

И только уже в кабинете, за рабочим столом, чуть-чуть отошел. Включил электрический чайник, открыл форточку, достал сигарету, затянулся. Пока курил, засыпал растворимый кофе, врубил компьютер. Зашел на «потеряшек» и забил в параметрах – полгода, мужчины. На экране мелькали лица – много народу пропадает за шесть месяцев в Москве и Московской области. Стоп! Андрей нащупал мобильник, хотя и так знал ответ. Найденный сегодня утопленник, несмотря на искажающую облик предсмертную гримасу, и Ельник И. А., 1970 года рождения, пропавший в феврале месяце, – одно и то же, не слишком приятное лицо. «Хорошо-хорошо», – прошептал Андрей, обжигая горло горячим кофе, а пальцы уже чуть дрожали – он чувствовал, только что дело тронулось с мертвой точки.

Это первое движение, пусть на миллиметр, было самым важным. Андрей представлял себе новое дело как валун на вершине, который он раскачивает потихоньку, пока наконец махина не двинется с места. Итак, следующий шаг – кто же ты, дорогой друг Ельник? И база данных на «уже привлекавшихся» не подвела – экран заполнился текстом и фотографиями в фас и профиль, где Ельник был явно много моложе, чем сегодня утром на берегу Москвы-реки. Андрей довольно потер переносицу...

«Дорогой друг Ельник». Убийца.

Маша

В машине Маша пыталась отделаться от неприятного чувства – ей было очень обидно, что в первый же день, когда она еще не успела показать, на что способна, этот Яковлев уже связал ее с Катышевым и теперь уж точно будет смотреть на нее через «катышевскую» призму. Почему-то она была уверена, что, несмотря на всеобщее, почти религиозное восхищение однокашником ее отца, лично ее рейтинг в глазах «джинсового» общение с премудрым прокурором не поднимет. «Впрочем, – возразила она себе самой, аккуратно тормозя около забора вокруг старой электростанции, – возможно, и не потребуется никому ничего показывать. Вряд ли на Петровке сидят люди легко впечатлительные. А уж этот-то Яковлев – и подавно».

Время было позднее – трамвайное депо уже опустело, только на проходной скучал дюжий детина, почитывая журнал. При виде Маши он положил его на стойку, и она смогла прочитать надпись – «СуперАвто».

– Кого надо? – Охранник явно был не из вежливых.

– Мне нужен Игнатъев И. В., – сказала она совершенно официальным тоном. И потому была неприятно поражена, когда тот развязно осклабился:

– Из журналистов, что ли?

Маша осторожно кивнула.

– Ну не запахло вам сюда шляться? Уже два года прошло! А Игнатъева твоего уволили еще тогда. За то, что не уследил. – Казалось, охранник весьма доволен такой судьбой коллеги. И Маша почти сразу поняла почему. – Пятьсот рублей за вход, а порасскажу я не хуже Игорька.

– Сейчас. – Маша порылась в сумочке и собрала сотенными нужную сумму. «Завтра и послезавтра пообедаю яблоком», –

подумала она. Перспектива завтрашнего разыгравшегося аппетита под мрачными сводами электростанции казалась малореальной.

Охранник пропустил ее вовнутрь, долго вел узкими коридорами, чтобы вывести на лестницу в один пролет, в конце которой находилась железная дверь.

– После убийства поставили, – пояснил он, открыв дверь ключом из тяжелой связки, вынутой из кармана. Он зажег свет, и подвал осветился холодным серо-голубым, типичным для офисных помещений, галогенным светом, мгновенно убившим всю связку «старый подвал – загадочное убийство».

Подвал был девственно пуст и похож на все подвалы казенных помещений разом, и Маша спросила себя, зачем она, собственно, сюда пришла? Да еще и без обеда осталась... А охранник, уже сжившийся со второй профессией – мрачноватого чичероне, – стал показывать на место по центру, где стояли три стула. Все в рассказе подпадало под описание в деле, копия которого находилась тут же, в Машинной сумке.

– И значит, – голос охранника перешел на театральный шепот, – у всех убитых языки повырезали. Но, понимаешь, в разной степени: у одного кончик только, у бабы – половину, а у третьего – прямо с корнем... Следак говорил, что они смогли бы развязаться и спастись, если бы сумели объясниться между собой. Узел был так хитро завязан, типа морской. Но видно, тем трем было не до беседы... Кровищи-то вокруг напрудили море.

– А цифры? – спросила Маша. – Цифры на футболках?

– Нет, – пожал плечами охранник, – никаких цифер не помню.

* * *

Маша рано легла спать – болела голова, перед глазами мутным негативом стояла фотография подвала с тремя убитыми: залитые кровью подбородки, связанные одной веревкой руки за спиной.

В полусне она услышала, как мама тихо вошла в комнату. По звуку Маша угадала: вот она повесила на плечики брошенный свитер, а вот что-то прошелестело. Это мама подняла с пола фотографии из досье, которое Маша насобираала за сегодняшний день. Она расстроилась: маме вряд ли понравятся фотографии мертвых людей.

Мама переживала за нее, хотела, чтобы дочка занималась чем-нибудь другим, пошла по стопам матери, а не отца: в медицину, а не в юриспруденцию, от которой, как показал их грустный семейный опыт, больше крови, больше смерти, меньше надежды на выздоровление... Но все получилось как получилось: лучшая физико-математическая школа Москвы (куда Маша попала, выиграв парочку городских олимпиад по математике), по словам папы, должна была «организовать девочке голову, научить логично мыслить». В результате в голове у девочки, как ни парадоксален такой замес, сроднилась «царица всех наук» и хаос так никогда и не раскрытого убийства. Убийства того, кто самим своим существованием до Машиных двенадцати лет был «мерой всех вещей», единственной твердой почвой, обещавшей, что вокруг, в этой расчудесной многоцветной жизни, тоже не сплошная болотистая местность. Однако – ррраз! – и почва ушла из-под ног, подобно легендарной Атлантиде, и замены ей – хоть частичной – не случилось.

Не случилось у мамы стать опорой для маленькой Маши. Мама сама была как старшая папина дочка, хоть и младше его всего на год. Мама работала ординатором у профессора Рябцева на кафедре пропедевтики внутренних болезней, и профессор Рябцев – царь и бог – возлагал на маму какие-то надежды. Все до того момента, как папа не выпросил у мамы ребеночка. Когда мама сообщила о своей беременности Рябцеву, тот пожевал губами и сказал, что маме нужно искать себе другую работу, ведь беременная женщина и молодая мать не могут заниматься наукой: они думают «о другом» по определению. Мама уверяла профессора, что нет, с ней все будет

иначе, она сможет «и о высоком», но Рябцев только вяло улыбнулся, похлопал ее по плечу и рассеянно порекомендовал беречь себя.

Мама вернулась домой в слезах и закатила папе истерику: что с ней теперь будет, неужели она станет одной из тех клуш, которые могут говорить только о пеленках?! Нет, это немыслимо, невозможно, она отказывается, еще не поздно пойти к врачу, и... Папа тогда дал ей пощечину – первую и последнюю в жизни. А потом обнял и стал нежным шепотом обещать, что она еще станет второй Бехтеревой, что надо чуть-чуть потерпеть, что Рябцев сам себе противоречит: берет на кафедру таких красавиц, как его Наташа, и не хочет, чтобы те обзаводились семьей... А у них родится чудесная девочка, такая же красавица, как и ее мама...

– Мальчик, – поправила его, всхлипывая, мама. – У нас будет мальчик.

Ничего не вышло, оба родителя бесславно ошиблись: во-первых, родилась Маша. Во-вторых, она не унаследовала материнской красоты. И вообще, мало чего взяла материнского. Но Федору Караваю было все равно – едва придя с работы, он бросался к колыбели, замирая с маленькой Машей на руках, и только счастливо улыбался на грозный оклик жены:

– Ты хоть руки помыл, прежде чем хватать ребенка?!

Наталья потом жаловалась друзьям:

– И прямо с порога – к малышке. Какая уж там гигиена!

Все вокруг восхищались: какая прелестная Наталья с белопенно-кружевным свертком, какой трепетный отец и милейший младенец...

Но Маша с самого раннего детства была в курсе того, что она своим рождением сделала маму несчастной. Пострадала мамина фигура: тончайшая талия раздалась, грудь после кормления обвисла, живот пошел складками. Наталья жаловалась, что спина у нее стала как у гренадера, нога увеличилась на размер, из-за чего вся немалая коллекция обуви была отнесена в комиссионку. Мама часто рыдала, глядясь в зеркало и не узнавая себя, нынешнюю. Изменения после родов пришлись на первые признаки старения – это был двойной

удар... Ни уговоры мужа, ни подарки, ни попытки «выйти в свет», оставив маленькую Машу бабушкам и дедушкам, не могли развеять постоянной хандры. Наташа ушла в депрессию.

Отец заходил с работы в супермаркет и готовил ужин для Маши, затем ужин для себя с Наташей, читал Маше книжку перед сном, а потом до полуночи сидел над бумагами. У папы, в отличие от мамы, никогда не болела голова, он ни разу не отмахнулся от Маши, когда та задавала какой-нибудь из тысячи положенных по возрасту вопросов. Однажды Наташа при Маше закатила истерику вокруг собственной ничтожности и профессиональной не востребоваемости, и Федор быстро увел дочь в ее комнату, но Маша по каким-то вторично-флюидным признакам поняла: истерика ненастоящая. Мама сама не верит в те сентенции, что выкрикивает с надрывом, и в глубине души прекрасно понимает, что место рядом с Рябцевым было ей зарезервировано в счет молодости и красоты, а не в пользу схожести дарования с Бехтеревой. Но чувство вины у мужа должно было вырабатываться константно, как гормоны, как рост бороды поутру: Федор был виновен в том, что она уже не красавица и уже не будет доктором наук.

Тут-то в их доме и стал часто появляться Ник Ник: они с папой когда-то на какое-то время охладели друг к другу, охлаждение было вызвано логикой выбора профессий. Один стал прокурором, другой – адвокатом. Даже десять лет спустя друзья могли вести долгие споры на кухне – Катышев, горячась, говорил о том, что все прогнило, вся правовая база безнадежно устарела, все следственные органы коррумпированы, но, несмотря на это, вину преступников надо все равно доказывать. На что отец спокойно отвечал, что в нашей стране всегда найдется кому сажать. А вот найдется ли кому защищать... Это еще вопрос.

В разгар дискуссий на кухню входила мама, по-юношески садилась папе на колени, обвивала его шею руками и просила побеседовать о чем-нибудь, не связанном с профессией. И Катышев покорно стихал, начинал говорить о «не связанном».

Только уже взрослой Маша поняла, что Ник Ник был и, возможно, до сих пор влюблен в ее мать.

Он ходил к ним часто – тогда, когда отца дома не было и быть не могло. Он играл с Машей (своих детей у Ник Ника не было), пытался помочь маме на кухне – та всегда заливисто смеялась, но с кухни не прогоняла. Маша порой задавалась вопросом: понимал ли это папа? И сама себе отвечала: конечно, понимал. Эта игра была извечной, с правилами, знакомыми даже деревенскому идиоту. А уж кто-кто, а Федор Каравай деревенским идиотом не был. Но мама так ожила от безмолвного обожания Ник Ника – снова надела яркие платья, начала краситься и улыбаться. Она, наконец, стала лучшей матерью: встала у плиты, водила Машу на кружки гимнастики и керамики (Маша не блистала ни на одном из поприщ), вывозила гулять-просвещаться в Коломенское и в Пушкинский музей. Наталья была женщиной вполне прилично образованной, она много разговаривала с Машей, много рассказывала... Маша же все равно тосковала по папе, чувствуя, что Ник Ник, при всех его достоинствах, не более чем суррогат. А папа в последние годы жизни работал совсем много и находил для Маши все меньше времени...

Зато когда находил, оно было только их: они вдвоем бродили по московским бульварам, вместе ездили на рыбалку, ходили в бассейн и на каток. А то, что в это время к маме в гости приходил Ник Ник, так отец доверял обоим и обоим – жалел. Катышева – за то, что, по его мнению, тот выбрал не ту специальность и не ту жену и что у него нет детей, а значит, нет такого счастья в жизни, как Маня. А Наталья... Что ж, Наталья пусть пококетничает. И доверял – не зря.

После его гибели Маша страшилась и тайно желала, чтобы Ник Ник женился на маме: такая кромешная чернота была вокруг, что хотелось видеть рядом родное лицо. Однако со смертью отца – вот загадка! – визиты Ник Ника стали все более редкими, а потом и вовсе сошли на нет.

И еще: Маше казалось, что последние процессы, которые вел Федор Каравай, «вскапывающие» пласты уже не только личностной

несправедливости, но уже несправедливости социумной и далее – несправедливости, замешенной на низости бытия, как таковых, очень выматывали отца, хотя они ни разу об этом не разговаривали. Но Маша помнила, как пару раз, зайдя в квартиру, отец застывал перед картинкой: перспектива из темного коридора в ярко освещенную кухню, где мама, сидя напротив Ник Ника, запрокинула голову и хохочет – беззаботно, как дитя. Лицо у Федора в эти моменты было не любующимся уже, а уставшим. Видно, иметь девочку-жену очень мило до некоего момента. А потом хочется иметь жену-соратницу, с которой можно поговорить тогда, когда сказки на ночь детям прочитаны и дверь в детскую плотно заперта.

Однако невозможно трансформировать фею-Дюймовочку в аналог Надежды Константиновны. В конце концов, он же и сформировал вокруг Наташи мир, в котором она могла оставаться любимым дитятей и никогда не взрослеть. Что ж, сам виноват. Возможно, если бы отец был жив, Маша с годами органично заняла бы место сподвижницы, отдав навсегда Наталье роль балованной девочки.

Но не случилось: отец погиб, исчез взлелеянный им волшебный сад вокруг двух его любимых женщин, и мать с его исчезновением как бы выпрыгнула из привычного имиджа. Потому что из двух девочек – Натальи и Маши – Наталья была все ж таки старшей.

* * *

Утром Маша проснулась от оптимистических джазовых ритмов будильника и запаха кофе. На всякий случай прислушавшись и, не уловив подозрительных шорохов за стенкой, спрыгнула с постели и пошла под душ, взяв с собой в ванную сразу то, в чем собиралась уйти на работу. Ей все еще было неловко появляться перед отчимом в халате, поэтому через двадцать минут она уже гасила свет в ванной, одетая в привычную свою униформу: черные брюки, свежая

черная футболка, темно-синий свитер под горло, волосы забраны в гладкий хвост.

– Я всегда ненавидела эту тетрадку, – услышала она материн голос из кухни и замерла. – Нельзя, чтобы мысли ребенка с двенадцати лет были постоянно заняты убийствами, преступлениями, маньяками! Я не хочу, чтобы это стало ее профессией!

– Боюсь, Наташенька, – голос отчима звучал, как хорошо поставленный лекторский, – что тут ты ничего поделать не можешь. Маша уже выбрала себе дело и...

– Да, я согласилась, чтобы она пошла на юридический! Я думала, что там ей привьют вкус к чему-нибудь еще, кроме как к психопатам! Что дочь станет нотариусом, откроет адвокатскую контору, наконец! И вместо этого очередные трупы, теперь уже – с Петровки! Я позвоню Катышеву, чтобы он отменил ей практику!

– Натусенька, посмотри на это с другой стороны, – примирительно начал отчим. – Ребенок занимается делом, которое ему безумно нравится, есть все шансы, что она достигнет в нем больших успехов.

– А я не хочу... – перебила его мать.

Маша уже толкнула дверь на кухню:

– Доброе утро!

– Доброе, – кашлянув, поздоровался отчим, а мать только кивнула, стоя к ней спиной.

Когда она повернулась, Маша заметила, что глаза у нее красные. Маше стало стыдно, и она произнесла чрезмерно энергичным тоном:

– Ну-с, что у нас на завтрак?

Мать положила на тарелку пару оладий и с той же целью – чтоб уж наверняка сменить тему – сказала:

– Опять в черном?

Обсуждения Машиного гардероба были одной из самых часто возникающих тем по утрам, вроде сводки погоды. Маша привычно отбрехивалась на материны: «А что, других цветов не существует в природе?»

Да, отвечала она. Но их надо сочетать между собой, а с черным эта проблема вкуса и потери времени отпадает. Да, но черный стройнит и оттеняет. Да, но у нее послеподростковый синдром – она носит только черное, и этот цвет соответствует ее утреннему настрою. Да, да, да...

И про себя: «Нет, мамочка, это не траур, растянувшийся более чем на десять лет! Нет, мамочка, это не признак депрессии, нет, я никого не хочу подсознательно оттолкнуть от себя...» Отчим все это время мудро сохранял нейтралитет, а мать в результате вздохнула и предложила Маше ключи от своей машины.

– Не нужно, – сказала Маша, целуя перед уходом мать в щеку. – Я сегодня на метро. Так быстрее.

Уходя, она увидела, как Наталья абсолютно материнским жестом поправила отчиму галстук, и грустно усмехнулась: как меняет женщину внутри и снаружи мужчина, находящийся в данный момент времени рядом... И еще подумалось: а ведь с Ник Ником она могла снова стать девочкой-феей. Но не захотела играть в ту же игру ни с кем другим, кроме папы...

Маше повезло: удалось сесть в метро, и она сразу же вынула свою тетрадку. На чистом развороте начала делать набросок – ей всегда было понятнее «с картинкой». Итак, трое. Маша схематично изобразила стулья, поставленные полукругом, три фигуры: две мужские, одна женская.

Молодой человек рядом косил на Машу заинтересованным взглядом: он, видно, был из редких эстетов и оценил Машин профиль, Машины тонкие пальцы, Машины ненакрашенные губы.

1. «Узел», – написала рядом с картинкой Маша.

2. «Цифры».

3. (подчеркнула) «Почему по-разному вырваны языки?».

Эстет, заглядывающий через плечо в поисках нетривиальной завязки для беседы, отшатнулся, прочитав последний вопрос. Маша улыбнулась стороной рта, противоположной юноше (нечего подглядывать), спокойно убрала тетрадь в сумку и пошла к выходу.

Маша уже по крайней мере час сидела на рабочем месте, когда в кабинет вошел Андрей. И она не могла не отметить с некой долей иронии и жалости, что одет он был так же, как вчера. Те же джинсы. Та же джинсовая потертая куртка. И еще – или это ей уже кажется в силу отвращения к персонажу? – от него слегка пахло псиной. Он поздоровался со всеми купно, не глядя ни на кого в отдельности, тем более – на Машу. Тем лучше, – подумала про себя Маша, опасавшаяся ироничного разбора вчерашней ее встречи с Ник Ником. А Андрей тем временем бросил джинсовую куртку на спинку стула и потянулся к телефону:

– Шагин? Привет. Яковлев Андрей. Слушай, вопрос как специалисту по блатняку: у кого из уголовников в последнее время появилась манера брить фигурно затылок. Как фигурно? Да так, фантазейно, с выстриженным номером...

У Маши внутри все замерло. Номер?

– Да ты что? Ну, значит, совсем новая тенденция, ага. Запиши там себе в исследование воровского фольклора. Кстати, цифра четырнадцать. Семь и семь? Двойной символ счастья? Да ты что?! Никогда бы не подумал. Спасибо, нумеролог, пока. – И повесил трубку, невольно столкнувшись взглядом с Машей.

«Нумерология! – Машино сердце отчаянно забилося. – Символика цифр!» – Она снова перебрала дела на столе. «1, 2, 3» – первые жертвы на Берсеневской набережной. «4» – на руке у почившего пьяницы, оставленного ночью год назад в Кутафьей башне. 6 – на руке, обнаруженной отдельно от тела на Красной площади полгода назад. И теперь – «14». Может ли это быть один человек, или она уже тихо сходит с ума со своими маньяками? Но если даже представить себе, что цифры 1, 2, 3, 4 и 6 объединены какими-то странными способами расправляться с жертвами... Она вскинула глаза на Яковлева и рискнула:

– Простите, пожалуйста!

Андрей недовольно поднял взгляд от бумаг.

– У вас нет заключения патологоанатома по смерти на берегу Москвы-реки?

Андрей поднял бровь – бровь явно намекала, что стажер Каравай лезет не в свое дело.

– Я имею в виду, – заторопилась Маша, краснея, – есть ли в этой смерти что-нибудь странное?

Брови Андрея взлетели на почти физиологически неприличную высоту.

– А что вы подразумеваете под словом «странный»? – спросил он холодно.

Маша беспомощно пожала плечами, собираясь с мыслями. За это время Андрей успел вновь углубиться в бумаги.

Хам! – Маша аж вся кипела от возмущения. Он даже не сделал вид, что его может заинтересовать то, что она ответит. А уж об ответе на Машин вопрос и вовсе не было речи. «О'кей, – сказала себе она, сдвинув собственные брови на манер, который ее мать называла «а вот сейчас ты хмуришься, как Федор». – Ладно. Черт с ними, с цифрами. Попробуем с другого боку. Вот странно вырванные языки. Вот еще одно дело – о чудном пьянице, пришедшем помирать с раздутым горлом в Кутафью. Вот рука с картиной Шагала. Что у нас есть еще?» Она не отрываясь читала старые дела за прошедшие два года. И нашла, нашла еще странное – как же она не вспомнила? – тот ужасный случай, о котором писали все газеты: жена тюменского губернатора, женщина, вошедшая в десятку самых богатых леди планеты, обогнав создательницу итальянской марки «Бенеттон» и создательницу английского мальчика Гарри Поттера... обнаружена четвертованной. Тело, аккуратно завернутое в газеты, найдено на лавочке в Коломенском...

Машу передернуло. Губернаторшу многие не любили – огромное количество людей в той или иной степени зависело от ее многочисленных бизнесов... Людям приходилось давать взятки, пресмыкаться, ублажать всесильную правительницу края... Людмила Турина правила железной рукой – бизнесы развивались, деньги

текли на счет в швейцарском банке, в Лондоне достраивался особняк, про который тоже долго писали газеты, мол, стыдно так уж... Ну, уж так уж... избегая прямых глаголов и даже синонимов – тех, кто позволял себе подобное, Людмила засуживала и пускала по миру.

Кто смог сделать такое с постоянно охраняемой губернаторшей? Кто мог совершить такое и не быть пойманным, – вот вопрос, думала Маша. Дадут ли ей поглядеть на дело – хотя бы на первичный «сбор», сделанный экспертами? В свое время на распутывание убийства были брошены лучшие силы, но все как-то поутихло, после того как супруг Туриной сам сбежал в один прекрасный момент в Туманный Альбион.

Маша написала в сделанной от руки таблице (все линии в которой, несмотря на отсутствие линейки, были идеально прямыми): Турина Людмила, дата смерти, место – Коломенское.

И опять погрузилась в бумаги. Где-то она еще видела вчера... Что-то зацепило ее внимание, но тогда она отмахнулась, еще не знала, что ищет. А ищет она странность, и казалось Маше, что странность там – величиной со слона. Через полчаса Маша опять замерла: вот оно! Конструктор и архитектор Баграт Гебелаи умер в своей шикарной квартире на улице Ленивке от сильнейшего нервного и физического истощения. Бросилось в глаза несоответствие слов «шикарной» и «физическое истощение». Кроме того, Маше показалось, что и фамилию Гебелаи она встречала в прессе. Маша заполнила следующую графу в таблице: Баграт Гебелаи, Ленивка, восемь месяцев назад, и откинулась на стуле. Получается немало странностей, объединенных и еще одним фактором – местом нахождения трупов: кроме Коломенского, чуть на отшибе, все остальные – в центре города.

Маша попросила разрешения у сидящего рядом оперативника, объявившего всем, что пора бы на перекур, занять его компьютер. Оперативник махнул рукой и вышел, за ним потянулись остальные.

В первую очередь Маша нашла подробную карту Москвы и, вставив в принтер в коридоре большой лист формата А3, распечатала цветной план центра города. В конце коридора она мельком увидела Андрея, с сигаретой в руках иронично выслушивающего того самого следователя, который уступил ей компьютер.

«Кажется, его зовут Володей», – вспомнила Маша и рывком бросилась обратно в кабинет. Рискнула занести в Интернет несколько цифр плюс слово «нумерология». Гугл не обманул ожиданий: число «один», прочитала Маша, – это символ славы и могущества, действия и честолюбия. Человек с числом дня рождения «1» должен следовать ему, никогда не меняя свой курс и не пытаясь прыгнуть далеко вперед раньше времени. И далее: число «2» символизирует равновесие в настроении, действиях, мягкость и тактичность характера... «4» означает уравновешенную, трудолюбивую натуру... «6» – предвещает успех в предприятиях, если только удастся завоевать доверие у окружающих, привлечь не только клиентов, но и последователей.

Маша с досадой закрыла «окно» и села опять за свой стол. Получается, что тот, которому вырвали язык наполовину, должен следовать судьбе, а барышня, идущая под цифрой «2», сохранять равновесие, несмотря на обильное кровотечение изо рта. А пьяница, чье число обозначает трудолюбивую натуру... Неизвестно, как сложилась судьба хозяина руки, найденной на Красной площади, но Маша уже поняла, что слишком все просто, чтобы быть правдой. И не ясно даже, есть ли на самом деле связь, или она ее только что придумала.

– Андрей Леонидович! – Она встала и положила перед шефом листок.

Шеф на «Леонидовича» вздрогнул, но лицо держал и взял бумагу. – Что это?

– Это смерти, которые я выделила, они показались мне странными.

– Опять странности?

– Да, опять, – упрямо подтвердила Маша.

– Я ведь, кажется, попросил вас заниматься убийствами, выданными за несчастные случаи и суициды?

Маша молчала. Андрей вздохнул:

– Я вас слушаю, стажер Каравай.

– Вам же все равно, – тихо сказала Маша, – чем я буду заниматься. Разве нет? А так я не буду маячить у вас перед глазами.

– Это аргумент, – усмехнулся, помолчав, Андрей. – Валяйте, расследуйте ваши странности.

Маша быстро кивнула и почти бегом выбежала из кабинета.

– Чего ты на девку-то так окрысился? – услышала она, закрывая за собой дверь.

И порадовалась, что не дождалась ответа.

Андрей

Паша наконец отзвонился, и Андрей побежал, как подстегнутый, в морг. На душе скребли кошки – не сильно скребли, но все же. Он почувствовал в голосе холодную злость, когда отвечал студентке, а она этого не заслужила. Работала с самого утра, и работала на совесть – Андрей пару раз с интересом отмечал выражение предельной сосредоточенности на широком скуластом лице. Отличница... Но должен был себе признаться, с материалом она работать умеет. Не ясно, что за странность она там накопала, но если это ей поможет в написании «практической части» диплома, так и бог с ней. Пусть бегают, задает вопросы. Где-то ее пошлют, и неласково, а где-то расскажут все, что нужно. Пусть учится работать не только с бумажками, но и с людьми.

На этой педагогической ноте он вошел к Паше и пожал его огромную лапищу, прежде чем тот натянул латексные перчатки.

– Чудные дела, – начал Павел и показал разрезанный живот покойника.

Андрей поморщился и заглянул вовнутрь. Там было пусто.

– У него вынуты внутренние органы, – кивнул Павел. – Иными словами, мужика освежевали, как куриную тушку. Внутри я нашел только это. – И Павел протянул Андрею прозрачный пакет.

– Деньги? – взгляделся в содержимое пакета Андрей.

– Так точно. А именно – советские копейки. Однушки.

– Сколько? Четырнадцать. Ага. – Ошарашенный, Андрей сел.

– И на голове у него... – начал Паша, но Андрей его перебил:

– Знаю, сам видел.

– Но и это еще не все. – Видно было, что Паша не на шутку возбужден. – Смотри! – И он протянул к Андрею синюшную руку трупа. – Под ногтями я нашел лед. Но не из морозильника, а с микрочастицами, выявляющими его натуральное происхождение.

– Что ты хочешь сказать?

– Да только то, что у нас сейчас середина июля. Последний раз лед на реке имелся в феврале, в крайнем случае – в марте. Хоть легких у него нет, но я тебе сразу сказал: парня топили. Где-нибудь в проруби.

– Да. А еще ты сказал, что его заморозили...

– А я от слов своих не отказываюсь. Заморозили, верно. И пару дней назад снова сбросили в реку.

– Бред. – Андрей потер лоб.

– Сам знаю, – устало сказал Павел.

– Получается, – Андрей заставил себя посмотреть в застывшее в предсмертной асфикции лицо, – мужик умер, его утопили в полынье, из которой он пытался вылезти...

– И не только вылезти. Андрей, он весь в ранах и царапинах. Посмотри! – Павел повернул голову трупа, чтобы было нагляднее.

– Ага, значит, парень честно сопротивлялся убийце, что утопил его в проруби. Потом душегуб его достал. Ждал полгода, чтобы подпустить к нам уже мертвую рыбку. Ему что, было важно напутать со временем убийства?

– Слушай, если убийца не полный идиот, он мог спрогнозировать факт судебно-медицинской экспертизы глубоко отмороженных тканей. Хотя, может, он убил его не полгода назад, а, положим, три года назад. При хорошей заморозке сохранность тела могла бы быть той же.

– Нет, Паша. – Андрей еще раз взглянул в широко распахнутые глаза жертвы. – Не могло быть такого, ибо Ельник пропал зимой.

– Этот, что ли, Ельник? – Паша задвинул труп в холодильник.

– Он, – подтвердил Андрей. – Вчера нашел его по картотеке – наковка помогла. И если убийца не мог нас оболванить со временем, тогда в чем тут цимес, как говорила бабушка моего одноклассника?

– Место? – предположил Павел, снимая перчатки.

Никольская улица.

Катя

Для начала она позвонила в дверь. Шансов на то, что Наталья Сергеевна окажется на месте, немного, но лучше уж перестраховаться, чем... А потом Катя открыла дверь своим ключом, глубоко вздохнула и с блаженной улыбкой на губах, сразу узнавая и принимая запахи этого дома, переступила порог. Когда снимала сапоги, ей почудился шорох на кухне, и она так и замерла с сапогом в руке.

– Наталья Сергеевна? – крикнула она в глубину квартиры. Но нет, ничего. Только тикают ходики на кухне и мерно прокручивается барабан стиральной машины в ванной.

Катя на секунду остановилась у зеркала в прихожей: ей нравилось на себя смотреть в этом зеркале. Будто она здесь – хозяйка. Так естественно. Мягкий золотистый свет абажура обладал тем же магическим эффектом, как в детстве. Она снова – принцесса, а не пастушка, расступитесь все. Легким шагом Катя прошла по квартире – как пометила каждую комнату. В гостиной на диване появился новый плед. Она подошла и провела по нему рукой – мягкий. Наверное, кашемир. В ванной на полочке стоял новый крем. Крем был явно Натальин, Машка всегда мазалась тем, что под руку попадет. Но крем Катя оставила «на потом».

В Машинной комнате все застыло, как во времена их детства. Летнее солнце било в окно.

– Душновато, – сказала себе вслух Катя и открыла окно – проветрить. У Натальи в комнате и в гардеробной пробыла чуть дольше: отметила – туфли открытые, на среднем каблуке, шоколадного, вкусного цвета, костюм строгий, в тонкую полоску с безумной леопардовой подкладкой... Втянула носом воздух: Наталья опять сменила парфюм. Машина мать не придерживалась одного, а

постоянно экспериментировала. Кате это нравилось. Она играла с Натальиными парфюмами в игру – «какой из них мне больше подходит» – и выходило, что, в принципе, все годились. Зашла на кухню и заглянула в холодильник. Холодильник был запретной зоной и портил всё удовольствие – с ним нельзя было поиграть в хозяйку – настоящая хозяйка могла заметить исчезновение половины головки голландского сыра (Катя обожала такой сыр, он стоил бешеных денег) или грозди винограда... Вряд ли, конечно. Но малая вероятность имела, поэтому содержание огромного холодильника Катя пожирала исключительно глазами, как бедный провинциал – роскошные фламандские натюрморты в Эрмитаже.

Кате ужасно хотелось принять ванну, но она не рискнула: все-таки объяснить свое присутствие в ванной, полной пены и ароматических масел, не то же самое, чем если тебя застукают в душе, – на этот случай у Кати имелось всегда объяснение: ой, Наталья Сергеевна, попала в лужу, облили из окна, забрызгал проезжающий «Мерседес»... Позволила себе, так сказать, воспользоваться вашим гостеприимством. Катя знала – позволит. И даже напоит чаем постфактум, выпрашивая про Машины поклонников. Вот про поклонников Наталье было особенно интересно – Машка-то ее рассказами про личную жизнь не баловала. По каким-то вторичным признакам (робкие неудачные попытки макияжа, перекошенное лицо Иннокентия) мать догадывалась, что у дочери кто-то появился, и она даже однажды отправила Катю на разведку («Ты уж не обессудь, но на тебя единственная надежда!»).

Катя с заданием справилась – узнала: «кто-то» учится с Машей на одном курсе, зовут Петей, мальчик положительный, сын богатых родителей, ездит на «Порше». Катя как «Порш» увидела, так аж затряслась вся, а Машка-дурында тогда сказала, что выпендрежу много, а из-за многочисленных джипов в спортивной машине на дороге ничего не видно. Да Катя на такой машине и с закрытыми глазами бы поехала! Что тот Петя в Машке нашел – не ясно. По Кате, так в подруге ничего не было. Густые волосы, разве что,

заклучала она после многочасовых размышлений, да глаза... Может быть. Однажды она даже сказала об этом самой Машке – не в плане, конечно, что «это только у тебя и есть», а типа как комплимент сделала. Маша тогда засмеялась и процитировала кого-то из французов, что, мол, у женщины замечают глаза и волосы, когда сама женщина не красавица. Катя тогда удивилась – казалось, Машку позабавил тот факт, что она – дурнушка. Еще Маша была умная, но для мужиков это скорее дефект. Ну и на что запал мальчик Петя? Получается, на звонкое и в профессии известное имя – Каравай. Погибший адвокат. Вот и все.

Господи, как после его гибели все вокруг Маши прыгали, в том числе ее собственная мать, – нашла, кого жалеть! Бедный ребенок, так рано потеряла отца, так трагично! Катя тогда первый раз себя выдала – не удержалась. Сказала своей матери: «А меня ты пожалеть не хочешь? Которую отец бросил, когда я у тебя еще в брюхе находилась? Вот где рано и трагично, разве нет?»

Мать правда ее пожалела – погладила по голове и сказала, что, мол, нельзя завидовать, нехорошо это. Но Катя не могла не завидовать. Ей казалось, что она уже родилась с этим чувством внутри: когда смотрела из окон первого этажа на девочку в яркой курточке, сидящую на плечах у смеющегося папы, слышала пересуды бабок на лавочках – какой, мол, хороший отец Федор Каравай, и человек большой. Когда видела этого самого Федора рядом с Натальей, тогда еще молодой и одетой в такие тряпки, которых ее мать в жизни не видела! Или еще на фото в газетной статье, посвященной какому-нибудь громкому процессу. Она очень хотела дружить с девочкой Машей и одновременно – расцарапать ей лицо. Это было странное, тревожное, мучительное чувство, обозначенное ее матерью только десять лет спустя.

В год, когда обеим девочкам исполнилось лет по тринадцать, матери предложили за их однокомнатную в центре большие деньги: можно было купить аж трешку в менее престижном районе. Мать была счастлива – покупатель квартиры все организовывал сам, даже

переезд, и она была ему благодарна: сама мать не справилась и не решилась бы ни на что. Она с придыханием говорила Кате, что у них теперь будут не только отдельные комнаты (ведь еще пару лет – и ты станешь совсем барышней!), но и еще одна – так сказать, гостиная (и, возможно, Катенька, однажды она станет детской!).

– Не станет, – отрезала Катя. Она была уверена, что у нее будет состоятельный муж.

Отношение же Кати к переезду было однозначно положительным: с одной стороны – отдельная комната, немалый в подростковом возрасте фактор, кроме того, она наконец не будет видеть Машкину физиономию. Только по прошествии месяца Катя поняла, что умирает от тоски в их спальном районе. Жизнь без Маши стала скучной: будто вынули из нее некий перпетуум-мобиле, основное чувство, держащее эмоциональный градус в напряжении. Кроме того, Катя не была идиоткой и понимала, что так поговорить со своими нынешними дворовыми приятельницами, как с Машей, она не сможет – разговоры крутились вокруг парней, косметики и тряпок. Это были три темы, которые они с Машей ни разу не обсуждали...

В первое время она искренне получала удовольствие от рассматривания засаленного журнала «Вог». А потом заскучала, вспомнила, как приходили мальчики из физматшколы, в которой училась Маша, и говорили о не всегда понятном. Но эти мальчики были намного интереснее, чем те, о ком сплетничали с пеной у рта ее новые дворовые подружки. Именно за такого физматмальчика Катя хотела в будущем выйти замуж – при условии, конечно, что тот разбогатеет, а не станет научным сотрудником, вроде ее матери.

Поэтому Катя приняла решение с Машей отношения восстановить, снова задружить, несмотря на расстояние в десять станций метро, их разделяющее. Нутром, всей сущностью, завистью, выдержанной за последние десять лет как хорошее вино и указывающей ей, как компас, правильный путь, Катя знала: Маша летает в высоких сферах и Кате туда – тоже нужно.

Катя набрала после годового перерыва телефон, внутренне вся сжавшись: Маша была удивлена, но, слава богу, приятно удивлена. И пригласила в гости. И чуть Катя вышла из метро на Большой Полянке и вдохнула загазованный воздух, ей уже показалось, что она вернулась домой. А в Машинной квартире ощущение еще больше усилилось: она ничего не могла с собой поделать. Именно эта квартира ее грез, квартира, где она проводила половину своего времени в детстве, и была ее настоящим домом. Она села напротив Маши за стол на кухне, и слезы подступили к горлу.

– Ты чего? – обеспокоенно спросила Маша.

– Соскучилась по тебе, – ответила Катя и совсем не соврала. Собираясь сюда, она хотела впечатлить подругу детства и тщательно наложила макияж. Но теперь, глядя на чисто промытое Машино лицо, полное смущения (ведь она, Маша, по Кате вот так – до слез – не скучала), Катя поняла: она опять проиграла. Просто потому, что Маша играет совсем в другие игры.

Неприятная тишина установилась за столом. Маша и Катя пили быстро чай, чтобы сделать вид, что не поняли главного: общих тем для бесед у них не было.

Катя была в отчаянии: никак иначе, чем через дружбу с Машей, она не могла остаться в этом доме. В ее родном доме. Была бы Катя постарше, она, возможно, смогла бы завести непринужденную беседу. Но они были девочками-подростками, и светскости в них не было ни на грош.

– А ко мне клеится парень на «Харлее», представляешь? – чувствуя, что тонет, сказала она.

– Харлей? – переспросила Маша в замешательстве.

– Мотоцикл такой, супермотоцикл! А парень уже отсидел за мелкое ограбление, представляешь? Он мне сказал, что я выгляжу на все шестнадцать. А я ему говорю: так мне шестнадцать и есть! А он мне – не выдумывай, молокососка, – затарахтела Катя, глядя, не отрываясь, в Машины глаза, распахивающиеся все шире по мере продвижения истории.

С парня на «Харлее» Катя перешла на Светку из соседнего подъезда, которую мать бьет смертным боем за покрашенные глаза и губы, а ей уже пятнадцать, представляешь? И далее: про «великий шелковый путь» через их двор лоточников с соседнего дешевого рынка. Про парня, вернувшегося из Чечни больным на голову и отсиживающегося в кустах, пока за ним не придет мамаша и не скажет, что все ушли, засады нет, можно идти домой ужинать.

У Кати открылся поразительный дар рассказчицы: она изображала поочередно то испуганного парня, выглядывающего из кустов, то самодовольного придурка на «Харлее», то Светкину мать, поносящую Светку на чем свет стоит из окна на весь двор. Маша смеялась до слез, утирала глаза и, когда вернулась с работы Наталья Сергеевна, уговорила и ее сесть послушать. Катя исполнила «на бис» особенно удачные моменты, оттачивая их по ходу дела, а внутри было уже совсем покойно и хорошо – она выиграла! У нее все получилось.

Так и продолжалось потом многие годы – Катя стала для Маши вроде как Петросяном на дому. С другими Маша вела умные беседы, а с Катей расслаблялась и даже сплетничала иногда. Катю это не обижало. Не обижали и косые взгляды Машиных друзей из школы и потом из института: мол, ты кто, где учишься? А... в этом. Да, конечно, они сразу видели в ней человека не их круга. Но Катя и сама это знала и не жаловалась, играла в девочку «без претензий». Маша ее представляла как самую давнюю подругу детства. Подруга детства – это почти титул. А до их круга она когда-нибудь допрыгнет. И даст бог, и перепрыгнет. Ей не к спеху, дайте сначала адаптироваться... Так думала Катя.

Пока не встретила Иннокентия. Да. Пока не встретила Иннокентия.

Маша

– Тебе привет, – сказала она и спрятала телефон обратно в сумку.

– Подружка-соседка? – Иннокентий пригубил из стакана с белым вином. – Зря отказалась от вина: очень легкое и подходит к спарже.

– Выпендрейчик! – беззлобно высказалась Маша, поддевая спаржу вилкой. – Между прочим, она все так же в тебя влюблена.

– Угу. – Иннокентий поморщился: – И все так же тебе завидует.

Маша хмыкнула, повела плечами.:

– Было бы чему! Знал бы ты, как меня игнорирует новый начальник! Вчера увидел с Ник Ником... Думает, я безмозглая блатная девица.

– А ты мозговитая, – улыбнулся Кеша.

– Нет, – горестно вздохнула Маша. – Последнее время – нет. Хожу вокруг да около. А вокруг да около ЧЕГО – не знаю. Понимаешь, странные смерти. Но таких всегда можно накопать. Нет. Странные смерти в странных местах. Вот смотри! – Маша полезла в сумку и достала распечатку плана Москвы.

– Дай-ка. – Иннокентий положил карту справа от тарелки и некоторое время рассеянно на нее глядел, приканчивая тем временем спаржу.

Маша смотрела на него с надеждой, пила воду и боялась слово молвить – Иннокентий априори ничего не понимал в убийствах, но оба привыкли доверять умственным способностям друг друга: и если у Маши в мозгах царил логика, то Иннокентий брал эрудицией.

– Ну как?! – не выдержала наконец Маша.

– Глупости. – Иннокентий отодвинул карту. – Ничего не приходит в голову.

Маша послушно убрала карту.

– Вот и у меня – простой, – мрачно сказала она, подзывая кивком официанта.

– Съешь десерт – утетишься! – Иннокентий подмигнул ей и настоял на самом большом торте из витрины: монстре во фруктах и взбитых сливках. – А я иконку замечательную откопал, – сказал он, когда они оба принялись за сладкое. – Староверческую, шестнадцатый век. У меня уже есть на нее клиент – могу на месяц взять каникулы и, если хочешь...

– Этот Ельник из них тоже! – прервала Кешу Маша, почти ткнув в него ложечкой с тортом.

– Что? – застыл Иннокентий.

Маша снова достала карту, попросила ручку.

Иннокентий послушно вынул ручку из внутреннего кармана бархатного вишневого пиджака. Маша раздраженно расписала золотое перо на салфетке, а потом поставила аккуратную звездочку рядом с Красной площадью.

– Подожди. – Иннокентий снова забрал карту, еще раз посмотрел на точки. – Я могу ее оставить на пару дней у себя? Подумаю и, если что надумаю, перезвоню тебе.

– Бери-бери. Я могу сделать копию. – Маша довольно заулыбалась. Она любила, когда Иннокентий брался за ее загадки. Это было похоже на детскую конспирацию, хотя Кеша давно вырос и превратился в холеного денди, «собирателя древностей», как он себя называл: владельца маленькой частной антикварной галереи в центре. И судя по «золотым» перьям, дорогой обуви и платиновым запонкам на сшитых на заказ рубашках с элегантнм вензелем – АИ, «Алексеев Иннокентий», Кешина лавка приносила пусть не стабильный ежемесячный, но вполне высокий доход. Да, Кеша был юношей весьма утонченным, и Маша, не вылезавшая никогда из своего бессменного черного цвета, часто задавалась вопросом: как они, такие разные, такие оба «вещи в себе», могли так долго хранить детскую дружбу? И понимала: это целиком его заслуга.

– Что же мне эта карта напоминает? – задумчиво сказал Иннокентий, отправляя в рот последний кусочек торта. – Нет, так на сытый желудок и не вспомнить...

Андрей

Там, где обедал Андрей, не играл джаз. Не подавали спаржу и хорошего шабли. Не сидели люди в рубашках с вензелями. Там, где обедал Андрей, было накурено и душно, но посетители и за едой не расставались с куртками и плащами. Ели за пластиковыми столиками подозрительного вида сэндвичи. Пили пиво. Андрей сидел напротив Архипа. Архип на самом деле был не Архип, а Архипов. А оригинальное имя от средней оригинальности фамилии ему досталось в клички. Он состоял у Андрея в осведомителях. Архип к Андрею относился хорошо и честно выполнял свою часть контракта. Со своей стороны Андрей Архипа не сажал, но теплыми чувствами, несмотря на сливаемую ценную информацию, не проникся – от покрытого угрями, узкого, как нож, Архипова лица Андрея воротило физически. К тому же Архип имел манеру говорить, доверительно приближая физиономию к собеседнику, и дышать вчерашним ужином.

– Ельник давно завязал! – шептал Архип, отпивая глоток пенного дешевого пива. – После последнего процесса никто ему уже ничего не заказывал. Жил в деревне. Ни с кем из прежних приятелей не тусил – типа отстаньте от меня, дайте на старости побыть хорошим человеком. Как же, держи карман шире! Турка говорил, что к нему ездили разные военные...

– Что за военные? – спросил Андрей, вгрызаясь в получерствый сэндвич, – хоть Архип и не вызывал аппетита, но закинуть в себя хоть что-то в обеденный перерыв было необходимо.

– А я знаю? Вроде не мелкие сошки, хотя приезжали на тачках ниже среднего и в штатском.

– Как же твой Турка понял, что они военные? – усмехнулся Андрей.

– Да ты че?! – Архип аж поперхнулся от возмущения. – Во-первых, выправка. Во-вторых, походон, как на плацу, и морда

такая – кирпичом. С выраженьицем – типа чего не рапортуешь. Ясно, не ниже полковника.

Андрей задумался, отпил из кружки теплого пойла, выдаваемого тут за кофе, и скривился:

– Слушай, а с кем Ельник сидел в последний раз?

– Могу узнать.

– Валяй. Сбросишь потом на мобильник.

– Ладно. – Архип обтер губы. – Побежал я.

Андрей только кивнул.

Новости были непростые – Ельник завязал. И тут-то его убили. Где логика? Убили за то, что завязал? Какие-то старые счета? И военные – почему военные?! Он вспомнил искаженное предсмертной гримасой лицо. Полое тело. Ржавые медные монеты копеечного достоинства. Мистика какая-то, бред. Надо ехать к Ельнику в деревню, решил он и пошел к стойке – расплатиться за себя и за Архипа.

* * *

В коридоре он столкнулся со стажеркой – столкнулся в буквальном смысле, вырывая из-за угла на свойственной ему холерической скорости. Они ударились друг о друга, как два теннисных мячика: девица ойкнула и присела. Андрей сначала испугался, что от боли, но потом понял: рассыпала от неожиданности все бумажки – какие-то копии с фотографий.

Он неловко присел рядом и стал подбирать документы. Сначала быстро, потом все медленнее. Цифры на убитых на Берсеневской набережной, черные на черно-белой копии, но он помнил, что это – кровь. Крупно – бицепс с татуировкой – «4». Память услужливо сама подобрала картинку – «14». На затылке у Ельника. Он поднялся с корточек одновременно с девицей: она была красная как рак.

– Значит, занимаетесь исследованиями?

Маша быстро кивнула.

– Очень хорошо, – неожиданно для себя сказал Андрей, внезапно осознав, что глаза стажерки Каравай находятся аккурат напротив его глаз. И глаза эти – светло-зеленые, в темных, будто влажных, ресницах – были очень выразительны: с одной стороны, смущение, с другой – вызов. Бледные губы, только что крепко сжатые, в ответ на его «очень хорошо» изобразили кривую улыбку.

– Рада стараться, – сказала Маша, развернулась и пошла себе за угол.

«Дылда!» – беззлобно и впервые без раздражения подумал Андрей.

Пора было собираться в Точиновку, деревню, где жил, удалившись от дел, киллер Ельник.

Маша

Маша сидела на скамеечке рядом со зданием районного отделения полиции и делала вид, что внимательно слушает молодого участкового Диму Сафронова. Участковый покурил при фифе, пришедшей с Петровки, дорогие сигареты и думал, не рискнуть ли ему пригласить ее в кино. Понятное дело, после кино надо будет вывести фифу и в кабак... Но что-то ему подсказывало, что в дешевые заведения она не ходит.

Параллельно данным размышлениям Дима рассказывал о Коляне. Хотя что о нем рассказывать? Выпивоха, каких много. Беззлобный. Не вороватый – такой, из «везунчиков», что свою дозу всегда где-нибудь откопают. Остатки хорошего воспитания выражались в том, что не мочился где ни попадя. Да и не шлялся где ни попадя – по большому счету, прогулочный Колькин маршрут ограничивался их кварталом. И как оказался в Кутафьей башне? Пришел туда, чтобы помереть рядом с прекрасным? Так там же нашего брата полицейского видимо-невидимо, спокойно бутылку не оприходовать! А у него квартира была для этих дел – зачем так далеко ехать? Это потом, когда попался дотошный патологоанатом, выяснилось, что Колян помер не из-за сердечных каких дел, вроде инфаркта или там резко оторвавшегося, под напором сильного алкоголя, тромба, а от удущья. Какой-то должен быть серьезный агрегат, чтобы постепенно поступающая жидкость попадала в горло, и оно распухло.

– Жидкость какого рода? – пробудилась Маша, все прокручивающая в бесконечном комиксе, как она сталкивается с Андреем, несчастная идиотка!

– Так водка! Я читал отчет – если капать по капле, получается просто пытка какая-то средневековая. В Китае вроде так пытали.

– Не только в Китае, – нахмурилась Маша, будто стараясь ухватить опять тень за спиной. В этот момент взгляд девицы с

Петровки стал настолько далеким, что Дима Сафронов окончательно отказался от идеи пригласить ее в кино.

– А в квартире его, – сказал он напоследок, – не оказалось ни одного отпечатка пальцев ни на кухне, ни в коридоре, ни в комнате. С одной стороны – убийство, и к бабке не ходи. С другой стороны, ну кто с таким возиться будет? Зачем убивать беззлобного пьяницу? Хотя, может, он видал чего?

– Может, – согласилась Маша. Этот дельный и единственно все объясняющий мотив ей совершенно не нравился.

Дима отбросил сигарету и поднялся. Они официально пожали друг другу руки.

– Спасибо, что уделили мне время, – светски сказала Маша.

– Пожалуйста, – смутился от такой светскости Дима. – Будут еще вопросы, обращайтесь.

– Обязательно. – Маша осторожно вытащила из чуть затынувшегося рукопожатия ладонь. Она уже шла к машине, когда вспомнила – и обернулась на крыльцо, где еще стоял, провожая ее взглядом, Дима.

– Татуировка на руке! – крикнула Маша. – Цифра «четыре». Вы ее раньше видели?

– Нет. Точно не было! – крикнул ей в ответ Дима. – Он по полгода в майке ходил – я б заметил.

Маша удовлетворенно кивнула, помахала рукой и вернулась к машине.

Андрей

Точиновка оказалась деревней, достойной передачи о вымирающем российском селе. Больше половины домов стояли заколоченными, а те, что еще были обитаемы, казались не в сотне, но в тысячах километров от столицы мирового гламура. В то время, когда в Москве «золотая» молодежь обменивалась видео по мобильникам на лекциях, училась правильно есть устриц, отправленных напрямую из Бретани, и вкалывала ботокс в челюсти, чтобы ночами от стресса не скрипеть зубами (и следовательно, не стачивать их неземную дорогостоящую белизну), в это же самое время рядом с каждой избой таились туалеты в виде выгребных ям, как в Средневековье, вода носилась из неближнего колодца и грелась с помощью газового баллона. Между двумя действительностями притаились века. Люди говорили на одном языке, но не поняли бы друг друга: в Точиновке не нашлось бы ни одного обитателя, знающего, что такое устрицы, ботокс и ММС. Единственный, кто знал о мире, о парадоксах двадцать первого века, был Ельник, засланный казачок. Но и его убили.

Андрей сидел, курил, размышляя уже без возмущения или горечи об удивительном у русского человека качестве – полном презрении к каждодневному пристойному существованию. Неуважению власти на протяжении уже четырех поколений к своим людям. Совершенной покорности этих людей, которых обеспечили социализмом и электрификацией всей страны, как обязательной основой коммунизма, но не обеспечили горячей водой и канализацией. И ничего – будто так и надо: по нужде зимой по снегу в будочку, где на гвозде – рваные газетки, и вода течет из ржавого рукомойника.

И все-таки, что же искал в здешнем быте Ельник? Он же был мужиком достаточно обеспеченным – мог позволить себе и после отсидки теплый нужник. Дверь в дом Ельника была закрыта –

Андрей поискал ключ в обыкновенных местах: под половиком перед дверью, пошарил вокруг закрытых наглухо ставнями окон. Несколько минут просто осматривал окрестности – участок был не очень большим, но очень ухоженным: Ельник-то оказался склонным к земле. Зеленые грядки, картофельное поле, даже теплица. Андрей направился к ней: внутри его ожидало запустение – неожиданная на фоне вполне благополучного сада. Впрочем, немудрено: хозяин пропал зимой... В теплице было жарко и душно, но без ожидаемого огуречно-помидорного запаха: пахло гниением, разложением даже. Андрей вздрогнул – на земле лежала мертвая птица, белели тонкие косточки, чернели свалывшиеся перья. «Видно, залетела зимой и не смогла выбраться», – подумал Андрей. Убивший Ельника убил и птицу – в отсутствие хозяина птице было не отворить, пусть хлипкую, дверь парника. Андрей поискал и под пустым ведром в теплице, но понял, что Ельник был человеком явно не с деревенской логикой, а значит, искать припрятанный ключик бесполезно.

«Отчего люди не птицы? – спросил себя Андрей, стоя в задумчивости перед крыльцом и перекатывая в кармане мелочь. – М-да. Оттого, что люди умеют отворять двери». Он высыпал мелочь из кармана в ладонь. Среди монет оказалась, специально для таких нужд, скрепочка. Андрей воровато огляделся: ни души. «Ты прости меня, Ельник, всё дворовое детство, неблагополучная семья, плохие примеры перед глазами, – приговаривал он про себя, насвистывая и выпрямляя скрепочку. – Чему только не научишься от безделья-то?» Андрей сходил к машине, открыл багажник, удовлетворенно хмыкнул, найдя гаечный ключ. Мягким пружинистым шагом вернулся к двери. Еще раз оглянулся по сторонам: тишина. Вставил в нижнюю часть замочной скважины гаечный ключ, сверху – скрепочку, кончиком вверх. Дальше проще: начал медленно поворачивать, считая контакты: раз, два... пять. Тихие щелчки слышались за каждым поворотом скрепки. Андрей мечтательно взглянул в летнее, все в веселых белых облаках, небо. Мягко надавил на дверь...

– Ты ж моя хорошая, – сказал он вслух, когда та без скрипа отворилась.

Андрей поаукал для видимости: есть кто живой? Мол, я вовсе не вламываюсь, дорогой товарищ Ельник. Но хозяина в живых давно не было, тут уж Андрей лицемерил. И дом ответил абсолютным молчанием и кромешной темнотой – что не удивительно при закрытых-то ставнях.

Андрей на ощупь нашел выключатель. С легким щелчком зажглась под потолком большая люстра, совершенно не соответствующая стилистике деревни Точиновка. Андрей присвистнул: деревне Точиновка не соответствовало ничего – люстра из ярко-оранжевого муранского стекла висела высоко. Андрей не сразу понял, что потолок и второй этаж не существовали: глазу открывалось внезапно большое пространство, ограниченное только балками перекрытия, крашенными в темно-шоколадный цвет.

Холл был квадратным – на входе благородно поблескивал дубовый паркет, чуть дальше расстилался туркменский ковер. На ковре стоял диван белой кожи, пара футуристических кресел и низкий журнальный столик. В глубине посверкивала хромом кухня: из тех, что очень любят фотографировать в глянцевых журналах – знаменитости на них демонстрируют свои кулинарные таланты. Бежевые шторы закрывали окна.

Андрей заставил себя выглянуть наружу: там так и оставалась Точиновка, нищая и серая. Сюрреализм, – покачал головой Андрей и зашел в пару комнат – одна спальня (белый минимализм, шкаф во всю стену, полный дорогой одежды: от итальянских джинсов до английских костюмов), другая – явно гостевая – в том же стиле. Плюс ванная с душевой кабинкой в бежевом пористом камне и туалет. Андрей недоверчиво покрутил краны – вода шла волшебной теплой температуры и отличного напора. Ельник провел себе все блага цивилизации. Не на Рублевку, нет. В Точиновку. Чтобы не выделяться из пьяных мужичков и полуслепых старух? Андрей задумался. Если бывший киллер не убивал, значит, зарабатывал себе

деньги – и, судя по дому, немаленькие – другим способом. Но не выращивая же картошку!

Андрей с завистью взглянул на камин: тот будто бы завис в полуметре от пола. У киллера Ельника был вкус. Даже если он взял себе дизайнера – это должен быть хороший дизайнер. И как он, интересно, очертил тому задачу: сделайте мне внутри избушки на курьих ножках дворец? Да так, чтобы снаружи избушка так и оставалась с ножками? Найти дизайнера не составит труда – в этом Андрей был уверен. Но зачем? Вряд ли тот знает, откуда брал деньги его эксцентричный клиент.

Андрей вышел на улицу, сел на крылечко и закурил. Он был в полной растерянности. Отправляясь в Точиновку, он почти уверил себя, что завязавший с убойным бизнесом Ельник попал под чью-то старую разборку. Но в этом доме пахло новыми деньгами, новыми веяниями, если так можно было выразиться.

Телефон в кармане куртки звякнул, сообщив о приеме смс. «Цитман – кликуха Доктор», – то был верный Архип. «Доктор», военные, новый бизнес, убийство через потопление, пребывание в холодильнике в течение полугода, тело, лишенное внутренностей, снова выброшенное в Москву-реку...

– Здравствуйте, – услышал Андрей и резко повернул голову.

У калитки стоял мужичок с синдромом Дауна, лет двадцати. Мужичок смущенно улыбался и смотрел маленькими глазками доверчиво и ласково.

– Привет, – ответил Андрей.

– Ты новый хозяин? – Мужичок стал бочком подбираться к крыльцу.

– Нет, – честно сказал Андрей, чуть отодвинувшись и дав ему присесть рядом.

– Андрейка я, – сказал мужичок и сразу быстро добавил: – Курево будет?

– Будет, тезка. – Андрей протянул новому знакомцу пачку. Мужичок схватил сразу несколько и заправил за большие

оттопыренные уши. Пару минут они тихо покурили.

– Не вернется Игорек, – вдруг высоким, бабьим голосом сказал даун. – Ой, не вернется!

– Ты отчего так решил? – опешил Андрей от неожиданного голосового кульбита.

– Уехал! Друг за ним пришел, хороший человек. На синей машине.

– Да ну?! – Андрей напрягся, как перед прыжком. – На какой машине?

– На синей. – Андрейка взглянул на Яковлева, как на идиота. – Сказал: иди, Андрейка, помощь твоя больше не нужна – я ему зимой снег убирать помогал, ага. Друг, говорит, ко мне приехал, важный человек, я ему по гроб жизни благодарен. Пора, сказал, долги отдавать.

– Как выглядел человек?

– Мужчина такой. Такой... видный.

– А глаза какие, волосы, не запомнил?

– Темный такой, куртка черная, темный. А машина – синяя.

Андрей уже понял, что большего ему не добиться, но отказывался уехать, уцепив за хвост такую важную и одновременно куцую информацию.

Он обошел еще несколько изб: но старухи не видели «темного человека». И синей машины тоже не припоминали. Андрей покругил еще вокруг дома и огорода под добродушным, с частым перемигиванием, взглядом тетки. И поехал себе восвояси, пообещав послать на дом Ельнику экспертов, но имелось у него такое подозрение, что самое важное про мужика на машине, таинственного спасителя Ельника, он уже узнал.

И ничего интереснее и существеннее эксперты уже не добавят.

Иннокентий

Иннокентий сидел и рассеянно смотрел в Машин план с крестиками. Слава богу, у Мани хватило такта не рассказывать за обедом в деталях, что кроется за каждым из них. Аппетит таким образом не пострадал, но любопытство – страшный грех и движущий мотор любого историка – было уже взбудоражено: он помнил, что где-то уже видел карту с похожими крестиками. Исходя из его озабоченности профессией карта могла быть только старой. Скорее всего – века семнадцатого.

Он не поленился и полез за атласом. Где ж тут? А, вот... Иннокентий задумчиво погладил переплет: старые карты, так же как старые, коричневой сепии фото и, пожалуй, малые голландцы, были преисполнены для него необыкновенной прелести. В каждой из категорий преобладали детали, приглашающие разглядывать их бесконечно. Маленькие конькобежцы, запечатленные с высоты птичьего полета где-нибудь на задниках картины Брейгеля, кусочек улицы у де Хооха, выражение лиц и костюмы купеческой семьи на фотокарточках второй половины девятнадцатого века и эти огороды в центре Стрелецкой слободы на карте – все они обладали одним общим качеством. Ее величеством – деталью.

Деталью, обладающей силой реальности. Следуя за ней, как за нитью Ариадны в темном лабиринте времени, можно было дотронуться до другой действительности. А ведь, по большому счету, разве не для этого он выбрал профессию историка? Разве это не способ проникнуть в иные миры? Или отдалиться от того мира, куда забросила тебя судьба? Он не удержался – вновь пробежал глазами «экспликацию» Сигизмундова плана. Полная неточностей, она отражала взгляд на Московию иностранца, стороннего наблюдателя. Иннокентий усмехнулся, читая этот комментарий: кто они, живущие ныне в Москве, как не сторонние наблюдатели в веке семнадцатом? Чужаки, не знающие, что Москва, ныне зажатая в классификации

между Дели и Сеулом и далеко отставшая от Шанхая и Сан-Паулу, эта Москва была причислена четвертой к крупнейшим городам Европы: за Константинополем, Парижем и Лиссабоном.

«И где тот Константинополь? – отстраненно думал Кентий. – Где Лиссабон, прогибающийся под тяжестью золота с новых Америк, пронизанный океанским сквозняком эпохи великих открытий? Где Париж, разграбленный революциями и бароном Османом? А тем временем всадник мог объехать московскую крепость «за три полных часа»: время, которое современный москвич проводит ежедневно в пробках».

Иннокентий смаковал текст, который знал уже почти наизусть: «Городские же храмы частью из кирпича, большая часть – деревянные, дома все деревянные. Никому нельзя строить из камня или щебня, кроме немногих из знати, и первейшим купцам можно строить у себя в жилищах хранилища – маленькие и низкие, в которые прячут самое ценное во время пожара. Англичане и голландцы и купцы из Ганзейских городов здесь преимущественно складывают свои товары, распродают ткани, шелковые изделия и благовония...»

Он усмехнулся, читая следующую фразу: «Местные купцы весьма сведущи и склонны к торговым сделкам, весьма жуликоваты, однако несколько приличнее и цивилизованнее других жителей этой страны...»

Маша

Маша сидела в коридоре прокуратуры и послушно ждала. Анна Евгеньевна, крупная дама за сорок, следователь по делу Баграта Гебелаи, с кем-то долго ругалась по телефону. Наконец она впустила Машу в кабинет, предложив куцый, покрытый кожзаменителем стул напротив массивного стола.

Стол был девственно чист, чего нельзя было сказать про Анну Евгеньевну: черный свитер, растянутый на массивной груди, украшала явно кошачья шерсть; волосы, убранные в тяжелый шиньон, растрепаны и плохо выкрашены, маникюр на внезапно изящных руках с миндалевидными ногтями – облуплен.

– Значит, Гебелаи? – сказала она, постучав ногтями по столешнице. Затем быстро оттолкнулась от стола, подкатила на кресле к шкафу, безошибочно вытащив нужное дело, и подъехала обратно к столу. Открыла, секунду посмотрела на бумажки, потом перевела взгляд на Машу: – А тебе, девушка, зачем?

Маша решила сказать полуправду: мол, пишу дипломную работу по странным смертям, выдаваемым за несчастные случаи...

– Да... – Анна Евгеньевна, крикнув, полезла за сигаретами и закурила. – Смерть странная, спорить не буду. Гебелаи был архитектором-конструктором. Проектировал несколько новых станций метро, с «козырьками». В час пик, в самый дождь, два года назад, когда под козырьки собралась, спасаясь от дождя, толпа народа, те внезапно обломились. Погибли сотни людей. – Следовательница вздохнула и стряхнула пепел – частично в пепельницу, частично на черный свитер. – Ужасная история. Много женщин, детей погибло. Ты, наверное, помнишь. – Маша молча кивнула. – Его с подрядчиками тогда судили и признали виновным. Станции метро рухнули из-за конструктивных ошибок в проектировании: неправильно выбраны материалы, неверно рассчитаны нагрузки... Но пришла президентская амнистия, и

Гебелаи отпустили. Ну вот. А через пару месяцев его нашли мертвым в квартире на Ленивке: весь в земле, под ногтями тоже черно, голый, исхудавший... Врачи сказали: сердце не выдержало физических нагрузок. Но какие нагрузки у этой сволочи? Он ведь, понимаешь, заслуженный архитектор, лауреат конкурсов, орденосец даже, кстати, этот орден у него был пришпилен прямо на кожу. – Анна Евгеньевна протянула Маше две фотографии. Общий вид, чуть сверху, квартиры, впечатляющей вульгарной роскошью; и еще одна – сам Баграт Гебелаи, скорчился в позе эмбриона на полу, к поросшей темным волосом груди пристегнута медаль.

– Что это? – спросила Маша.

– Это орден третьей степени «Ахьдз-апша», – ответила устало старший следователь. – Им награждаются граждане Республики Абхазия за большие заслуги в области науки, культуры и искусства. Наш герой получил его еще за несколько лет до трагических событий в Москве.

– Но ведь это была не единственная его награда?

– Да нет, еще медаль «За заслуги» и всяческие звания вроде «Заслуженного архитектора Российской Федерации» и «Заслуженного деятеля искусств». Он ведь понастроил множество церквей по новым кварталам. Пока, слава богу, стоят.

Маша поднесла к глазам фотографию: орден представлял собой круг, из-за которого расходились прямые и волнообразные лучи. Маша попросила сделать копии с нескольких фотографий, на что Анна Евгеньевна милостиво согласилась – улыбнулась и встала со стула.

– Большое спасибо за то, что потратили на меня время.

– Ничего, ничего, пиши диплом, грызи гранит, будут вопросы – обращайся! – Следовательница с шумом встала из-за стола и прошла в глубь кабинета.

Выходя, Маша заметила, как та включила электрический чайник.

Маша шла по коридору к выходу и рассеянно думала, что доброжелательная Анна Евгеньевна на самом деле ничего нового из

тайн следствия так ей и не поведала. Вот только орден – про орден ничего в документах дела не говорилось. Маше представился острый кончик иглы на медали, пристегнутой к синюшной коже. Ее передернуло...

«Надо заняться спортом, – решила она, помотав головой, отгоняя страшную картинку. – Доставлю радость матери – схожу в спорт-клуб». Наталья еще полгода назад купила дочери абонемент в попытке заставить ее выпрямить спину, поднять тонус и – забыть о маньяках, в конце концов! Вот она и поработает над этим.

* * *

Маша спорт ненавидела и входила в холл вполне гламурного заведения на Новослободской, как иные приходят к зубному. Она бегала под бодрую музыку по никуда не ведущей дорожке уже по крайней мере с полчаса, как вдруг сбилась с ритма и, с большим трудом удержав равновесие, нажала на красную кнопку... Стоп! Орден! Что-то было не так с этим чертовым орденом! И Маша, отбросив полотенце, побежала в раздевалку. Все еще тяжело дыша, она открыла свой шкафчик, вынула папку с собранными документами, опустилась на деревянную скамью в центре раздевалки...

Капля пота упала на копию фотографии: орден крупным планом на волосатой груди Гебелаи. Маша сглотнула, подняла невидящий взгляд от папки. Вокруг ходили полуобнаженные спортивные девушки: кто в купальнике, кто в тренировочном костюме, кто обмотанный полотенцем и расслабленно-распаренный после душа. Маша, сидящая с деловой папкой на коленях и сосредоточенно глядящая в пространство, вызывала явное недоумение клубной публики. «Орден, – шептала Маша, считая лучи. – Один, два, три, четыре, пять... Пять...» – тихо повторила она, а вокруг девушки передавали друг другу крем для тела, красили ресницы, шумел

фен. «Нет, бред!» – думала Маша, но уже не могла остановиться. Она пошарила в папке и нашла визитку, сунутую давеча Анной Евгеньевной, набрала номер.

– Слушаю, – раздался басовитый голос следовательницы.

– Добрый вечер. Еще раз. Это вас беспокоит Мария Каравай.

– А, стажерка. Привет. – Голос устало «съехал» вниз еще на октаву. Маша услышала, как на той стороне следовательница прикурила сигарету. – Что, созрели еще вопросы?

– Да, – смущенно сказала Маша. – Понимаете, я присмотрелась к фотографии, и мне показалось, что лучей на ордене было больше... Это, наверное, совсем не важно, – заторопилась она, резко устыдившись того, что побеспокоила следовательницу без повода.

– Ты, девушка, молодца. – Маша скорее почувствовала, чем услышала, как следовательница с удовольствием выдохнула сигаретный дым. – Въедливость в нашем дерьмовом ремесле – качество важное. Их было восемь, стажер.

– А стало пять, – сказала Маша. И тут же снова задала вопрос: – Может, они просто отломились?

– Просто! – хмыкнула следовательница. – Просто только кошки родят. Не дурнее тебя. Отпилены они, девушка, и все дела. А зачем, почему, сама уже голову ломать устала.

– Спасибо, – медленно сказала Маша и, попрощавшись, нажала «отбой».

– Пять, – тихо повторила себе она и сама испугалась собственного безумия: все на самом деле складывалось в кровавый пазл или это подсознание услужливо подбрасывало ей кусочки, подходящие под схему? Схему, начатую цифрами «1», «2», «3» на майках несчастных на Берсенеvской набережной. Что теперь привела к заслуженному архитектору, найденному в роскошной квартире на улице Лениvке и измученному до сердечного приступа непривычным физическим трудом? Она вздрогнула, когда телефон зазвонил снова. Это был Иннокентий.

– Маша, – сказал он, – у меня, кажется, что-то есть по твоим точкам. Но я не уверен. Хочу, чтобы ты познакомилась с одним человеком. Если можешь, сегодня. – И он продиктовал адрес...

* * *

Уже смеркалось, когда они встретились с Иннокентием, как и было оговорено, у входа в больничный парк. Охрана не сразу пропустила Машину машину – видно, созванивалась с приемной. Они тихо катили по широкой аллее из старых кленов в глубь парка. Звуки города постепенно смолкли, и, когда Иннокентий галантно подал Маше руку, чтобы она смогла выйти из автомобиля, Маша услышала, как поют вечерние невидимые птицы: казалось, они за городом. Они поднялись по пологим ступеням на крыльцо в палладиювем стиле: белые колонны полукругом, и Иннокентий толкнул тяжелую, отполированную тысячами ладоней дверь. Секундой после того, как Маша успела прочитать надпись на табличке на входе: ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ КЛИНИКА ИМ. ПАВЛОВА.

Внутри их ждали уже много более современные двери из толстого стекла. Девушка в приемной, увидев парочку, кивнула: двери раздвинулись.

– Добрый день, – сказал Иннокентий. – Мы к профессору Глузману.

Маше показалось, что речь идет о лечащем враче, но миловидная медсестра столь ласково улыбнулась, сказав, что Илья Яковлевич отлично себя чувствует и сможет их принять, что в душу закрались сомнения.

– Что это значит? – тихо спросила Маша, пока они шли по коридору, устланному ковровой дорожкой, в глубь больницы.

– Илья Яковлевич – мой любимый учитель, – тихо пояснял Кеша, сжимая Машину, ставшую внезапно холодной, ладонь. – Я тебе о нем рассказывал – сто лет назад! Ты уже, конечно, не помнишь! Он

доктор наук, специалист по русскому Средневековью. Пожалуйста, не пугайся факта больницы – у профессора сейчас «хороший» период. Глузман пишет книги, дает консультации, еще совсем недавно сам разъезжал по всему миру с лекциями.

Маше все равно было не по себе – ни одного звука не доносилось из-за дверей по обе стороны коридора. Только тихая, почти неслышная музыка классического репертуара призвана была успокоить нервы. Кого? Посетителей? Медперсонала? Медсестра тем временем встала перед одной из одинаковых дверей и тихо позвонила – на пороге оказалась другая, похожая на первую, как близняшка: та же радостная улыбка при их появлении, то же приятное лицо.

– Так ведь это же Инносенцио! – пророкотал голос в глубине комнаты, и медсестра, кивнув, отступила в сторону. Пожилой мужчина лет шестидесяти, с полным мягким лицом, покрытым модной полуседой щетиной и почти таким же коротким ежиком на яйцеобразной голове, был одет скорее как преподаватель Оксфорда, чем как пациент психбольницы: темно-зеленый пиджак с кожаными заплатками на локтях, тонкий шерстяной свитер под горло, вельветовые брюки. Он развернулся к ним на электрическом инвалидном кресле, пожал руку Иннокентию. Затем хитро улыбнулся Маше:

– Глузман Илья Яковлевич к вашим услугам. – И поднес Машину кисть к губам, так и не поцеловав, но выразив джентльменское намерение.

– Маша, – представилась чуть оторопевшая девушка.

– Спасибо, Иннокентий, что привел к старому отшельнику такую красоту! – Глузман некоторое время смотрел на нее, как любопытная птица, склонив голову набок. – Хоть полюбуюсь на старости лет!

И откатился обратно, показав медсестре, куда ставить приготовленный уже чайник: на низкий столик, идеально приспособленный под инвалидное кресло.

На столике уже красовалась фарфоровая вазочка с шоколадными конфетами и еще одна – хрустальная, в которой в художественном беспорядке соседствовали темная, почти черная черешня с блестящим восковым налетом и клубника: мелкая, пахнущая зовущим ягодным духом. Маша почувствовала, как после спортивных экзерсисов и рабочего дня рот наполняется слюной.

– Садитесь, садитесь, мадемуазель! – Хозяин ловко придвинул к ней чашку, налил янтарного цвета заварки, а затем кипятка, подцепил на малюсеньком блюдце почти прозрачный срез лимона: – Будете? – И подвинул серебряную сахарницу с колотым сахаром. – Современные девушки, наверное, пьют чай без сахара?

– Дурак!! – раздался внезапно старческий голос почти под самым ухом.

Маша подпрыгнула от неожиданности и обернулась: за ее спиной висела огромная клетка с огромным же попугаем.

– Дурак! – повторил попугай.

– Без тебя знаю! – беззлобно парировал Глузман.

Маша засмеялась – напряжение, вызванное долгим переходом по коридорам пусть весьма роскошной, но все же психбольницы, спало: Глузман был инвалидом, но никаких признаков безумия в нем не наблюдалось. Напротив: взгляд карих глаз был въедлив, крупный рот морщился в ироничной усмешке.

– Не правда ли, моя дорогая Мари, мой попугай похож на меня, пошлый бездельник?

Маша кивнула и отпила из тонкостенной чашки. Чай был отличным.

– Не признаю этих их зеленых и красных чаев, с цветами, бутонами, лепестками и мелкой соломой, пахнущих всем чем угодно, кроме чая! Полных потогонных, нервоуспокаивающих и прочих полезных свойств. Для моих нервишек, к примеру, нужны лекарства помощнее. – Порхание рук над чашкой Иннокентия закончилось, и Глузман откинулся на кресле, явно довольный собой. – Ну-с, мои юные друзья, что же привело вас в мою скромную обитель?

– Илья Яковлевич, – Иннокентий наклонился и извлек из портфеля Машину вчерашнюю карту, – нам нужна ваша консультация. Точнее, подтверждение моей догадки. – И он протянул профессору листок.

Глузман вынул из кармана круглые очки с сильными линзами и водрузил на мясистый нос. Не меняя выражения лица, лишь склоняя голову то в одну, то в другую сторону, он внимательно оглядел карту.

– Видите ли, профессор, мне в этих точках представляется некая закономерность... – Иннокентий начал нервничать и даже чуть привстал со стула.

– Возможно, просто совпадение, но... – Глузман повернулся к Маше, снял очки и улыбнулся – зубы у старика были неестественно белого цвета: – Инносенцио увидел то же, что и я. Это золотой мальчик, мадемуазель, не упустите его.

Маша улыбнулась в ответ:

– Не упущу, – сказала она. – Я его с восьми лет держу!

Глузман кивнул и повернулся к порозовевшему Кеше:

– Никогда не надо бояться собственных выводов, мальчик! Надо доверять своему внутреннему слуху, а он формируется на основе знаний – прежде всего! И еще вот именно этого доверия к собственным ощущениям. А оно приходит с опытом.

– Небесный Иерусалим, – тихо сказал Кеша.

– Небесный Иерусалим, – повторил эхом Глузман. – Он самый.

Маша растерянно переводила взгляд с одного на другого.

– Мария, судя по обескураженному выражению ваших прекрасных глаз, вы не знакомы с концептом Небесного Иерусалима? – Глузман усмехнулся и проехал на кресле к книжным полкам, занимающим все стены комнаты. – Вот, к примеру, для начала, – вынул он книгу в кожаном переплете, – Священное Писание. Читали?

Маша почувствовала, что краснеет.

– Конечно, читали, – не дождавшись ответа, сказал Глузман. – Но кто помнит о таких книгах? Лишь старые маразматика вроде меня.

Сейчас, сейчас я найду... – Зашелестели страницы. – Вот, слушайте, из Апокалипсиса: «И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего». – Глузман снял очки, поднял взгляд на Машу – Видите ли, Машенька – вы же позволите мне так себя называть? – в религиозной традиции город Иерусалим только потому и считался первым среди городов и «пупом» земли, что был прообразом Града Небесного. А Иерусалим Небесный, в свою очередь, не что иное, как царство святых на небе. – Глузман улыбнулся: – Если верить Иоанну, город необыкновенной красоты: весь сверкает, созданный из светоносных материалов. Ворота – из жемчуга, основания стен – из драгоценных камней: ясписа, сапфира, халкидона, смарагда, топаза, хризопраза, аметиста; улицы – из золота... И это описание было не просто данью вкуса рассказчика, его представлением о красоте. Нет!

Глузман посмотрел на Иннокентия, и любимый ученик не подкачал:

– Камни символизировали в ту пору источник сакральной энергии, они вечны и, как вечность, – совершенны, в отличие от смертного мира человека, животного или растения...

Глузман вдохновенно перебил его:

– Небесный Иерусалим – проекция церкви, святой город, где совершается общение человека с Богом. Только в нем возможно всеобщее единство в добродетели, неудавшееся при строительстве Вавилонской башни. Но он, как ни странно для синонима церкви, обозначает еще и духовную свободу... Свободу, Маша, это очень важно!

Маша почувствовала себя полной идиоткой, что Глузман не преминул отметить:

– Впрочем, я совсем задурил вам голову! Просто возьмите на заметку, что, несмотря на глубокую символичность, есть в описании Небесного Града та четкость и основательность, которые и позволили переносить его бесчисленное количество раз из небесных

сфер да на земную твердь. – Глузман вновь открыл книгу. – Только послушайте, какая почти архитектурно доскональная детализация, и за каждой деталью – свой символ. – Профессор поднял сухой палец: – Итак: Небесный Иерусалим в плане квадратный. Его стены ориентированы на стороны света, на каждой из них по трое ворот, являющих всем сторонам света образ Троицы.

Маша кинула на Иннокентия беспомощный взгляд. Тот подмигнул.

– Закройте глаза, Маша! И представьте себе этот город! Он имеет большую и высокую стену, – начал читать нараспев Глузман, – двенадцать ворот и на них двенадцать ангелов...

И Маша, внимавшая до того, склонив голову, на двенадцати ангелах сломалась:

– Илья Яковлевич, я все-таки не понимаю, какое отношение это все...

– Подождите, дитя мое, сейчас мы дойдем до сути. Не будьте торопливы, торопливость – удел профанов, а вы еще так молоды. Избавляйтесь от привычки приобретения знаний наскоком. О чем мы? Да о том, что слова Писания в Средневековье, не чуждом символики, воспринимались часто как руководство к действию. У средневековых архитекторов было две точки опоры – Небесный Иерусалим и Иерусалим земной, хорошо нам известный... Так сказать, Образ и Пробраз. Вспомните о Золотых Воротах в Киеве и Владимире, воспроизводящих Золотые Ворота в Иерусалиме, а позже в Константинополе?

Маша нервно кивнула.

– Маша, символика земного Иерусалима использовалась много реже и только в стольных городах, – заметил Иннокентий. – А вот городами со структурой и композицией Небесного Иерусалима были Киев, Псков, Кашин, Белоозеро, Калуга... И, конечно, Москва.

– Странно, – сказала неуверенно Маша, – а я всегда считала, что средневековое градостроительство было хаотичным... Узкие улочки, ведущие в никуда, результаты импровизационных застроек после многочисленных пожаров...

– Распространенное, но абсолютно ложное мнение! – вспылил Глузман. – Как и это представление о «мраке Средневековья». Фу! Тяжелая, но и прекрасная эпоха, давшая всему миру гениальную архитектуру, живопись, скульптуру, литературу, наконец! Да что такого создали люди прекраснее стремительно уходящих в небо стрел готических храмов? Или благородной простоты церкви Покрова на Нерли, чтобы так гордиться последующими столетиями?! Можно подумать, что в Москве в восемнадцатом-девятнадцатом веках было меньше нищих, сирот, калек! Меньше грязи, питейных заведений и публичных домов на душу населения! А вот идеи – высокой религиозной идеи, которая вела и одухотворяла тогда жизнь даже самого юного подмастерья, – уже не было!

Глузман вновь откатился к полкам с книгами и вытащил еще пару потертых томов.

– Это сейчас, в благословенном двадцать первом веке, строят абы как... А тогда ни один камень не клался необдуманно. Церкви, бывало, воздвигали на протяжении трех, пяти поколений. Это вам не проект Гебелаи!

Маша вздрогнула.

– Только задумайтесь, Маша! Люди – их дети, внуки, правнуки – рождались, женились, старели и умирали рядом с поднимающимся ввысь храмом. И нельзя было исполнить такой труд без глубинного понимания, без основной идеи, вокруг которой, как плоть наращивается на кости, формировалась жизнь во всех ее проявлениях...

Иннокентий переглянулся с Машей: мол, отличная импровизационная лекция. Он явно наслаждался беседой.

– Теперь перейдем к Москве. – Глузман чуть успокоился и поправил отточенным жестом опытного докладчика очки на крупном носу. – Видите ли, Маша, часто говорят о Москве как о третьем Риме. А ведь это идея больше светская, политическая... Имперская, если хотите. Идея властного управления, весьма конъюнктурная. Куда глубже и древнее идея Москвы как второго Иерусалима, глубоко

укоренившаяся в русском православии. Москва же, если помните, наследница Византии. Константинополь пал в 1453 году. Вот и получается: у нас есть религиозно-мистическая концепция – создать прообраз Небесного Града на земле. И на нее накладываются вполне реальные события: 29 мая 1453 года Константинополь взят османским султаном Мехмедом II, и в бою погибает последний византийский император Константин XI. Дальше: турки переименовывают Константинополь в Стамбул и делают его столицей Османской империи. Так пала Византия, основа мирового православия. С точки зрения «православной бюрократии» это дает нам вот что: правители Великого княжества Московского переориентировались с Константинопольского на Иерусалимский патриархат. Теперь идея Нового Иерусалима на Московской земле стала более чем возможной.

Сегодня мы, обеспокоенные каждый своими мелкими бедами, и вообразить не можем, какой силой в молодом государстве, где не существовало ни телевидения, ни радио, ни – для большинства – даже письменного обмена информацией, обладала идея превращения Москвы в Град Божий. И Иван III, и Иван Грозный внесли в воплощение ее свою лепту. Да что там государи! Все и каждый, от царя до последнего смерда, работали на утверждение страны в качестве Нового Иерусалима. Только представьте! Это как если бы в наше время слились в мечтах и помыслах олигарх и бомж! Все было четко и ясно в средневековых головах наших предков: если Москва станет Новым Иерусалимом, значит, получит первенство в обретении Царства Небесного. И как следствие – все населяющие ее христиане становятся первыми в очереди на вхождение в рай, и во главе их – государь. Вот почему в Москву свозились со всего мира святыни и реликвии: дело было не в личном царском благочестии, нет! А в государственной политике, объединяющей всю страну: чем больше святынь соберет город, тем более «святым» становится сам.

Глузман осторожно отодвинул чашку и сахарницу, чтобы освободить достаточно места для старой, начала девятнадцатого века издания, книги. Полистав страницы, все в желтых пятнах, открыл нужную.

– Это знаменитая карта из книги Сигизмунда Герберштейна «Записки о московитских делах». Современники называли его Колумбом России. Герберштейн бывал в Москве в 1517 и 1526 годах, а сам план датируется 1556 годом. А вот еще один – план из Атласа Блеу, 1613 года.

Иннокентий и Маша склонились над картой.

– Смотрите! Старая Москва вписывается в круг, символ вечности. В частности – вечного Царства Небесного. Теперь заглянем в Апокалипсис Иоанна Богослова. – Глузман, за неимением места, открыл Библию на коленях. – Итак: «Град святой Иерусалим нов... имущ стену велику и високу, имущ врат дванадесять... от востока врата троя и от севера врата троя, от юга врата троя и от запада врата троя». Сравним: московские стены Скородома, древнего оборонительного пояса столицы, полностью отвечают этому описанию не только по числу ворот, но и по распределению их по четырем группам дорог, соответствующим сторонам света. Так же были расположены ворота и в еще более раннем, Белом – Царевом – городе: по трое ворот на четыре стороны света. – Глузман поднял глаза на Машу, чтобы увериться в том, что она внимательно его слушает. – Что у нас получается, мадемуазель? А получается, что Москва дважды окольцовывалась «двенадцативоротными стенами Небесного Града», сначала каменной, затем деревянной. Продолжим: «И Град на четыре углы стоит, и долгота его толика есть, елика же и широта». Вспомним: длина оси крепости Скородома север – юг – 4 километра 800 метров, а длина оси восток – запад – 4 километра 700 метров – практически равносторонний крест, мысленный квадрат... Согласитесь, это не может быть случайностью. А высота стен? В Горнем Иерусалиме она «во сто сорок четыре локтя, мерою человеческою, какова мера и Ангела». Если берем за локоть с

небольшими допущениями полметра и умножаем на сто сорок, получаем семьдесят метров – такая стена была слишком высока для средневековой Москвы. Но Спасскую башню построили именно высотой в 144 локтя... Это по структуре, контуру, так сказать. А цвет? Давайте разберемся и с ним. Яспис из Небесного Иерусалима, зеленый камень, символизирует вечно живущую жизнь святых, синий (помните сапфир в Небесном Граде, Машенька?) – небеса, а золото – праведность. Московские купола могли быть только трех цветов: золотые, синие или зеленые!

– В семнадцатом веке, – подхватил Иннокентий, – все церкви были покрыты узорами: не только резьбой по камню и яркими изразцами, дошедшими до наших дней, но и росписью из цветов и трав... Теперь свидетельства о них можно найти во фрагментах изразцовых стен церкви Святого Успения в Гончарах, где они были высвобождены из-под поздних слоев штукатурки, и...

– Кентий, – тихо сказала Маша. – Переходи к делу.

– Так мы вам, Машенька, о нем и толкуем! – победно улыбнулся Глузман. – Ваши крестики на карте – они все имеют объяснение. И самое конкретное!

Андрей

Андрей сидел с телефонной трубкой в руке – в трубке уже несколько секунд как звучали короткие гудки. Заключение по прозвищу Доктор, в миру Цитман Олег Львович, после своего досрочного освобождения за примерное поведение уехал в Израиль. Удивительно, как ему это удалось? Андрею всегда казалось, что для получения вида на жительство или даже визы факт отсидки был известным препятствием.

Следующая новость была еще интереснее: добрый доктор Айболит зарабатывал тем, что ездил по городам и весям российской, а иногда молдавской, украинской и прочих бывшесоюзных глубинки и закупал в них нечто, что свободной купле-продаже не подлежит, – внутренние органы людей. От нищеты и бедноты люди продавали органы, которых у них имелось по паре: чаще всего наиболее востребованное – почки; для них, как и для жителей Бангладеш, вырученные пятнадцать-двадцать тысяч в валюте были огромными деньгами. Бывшие колхозники, брошенные государством на произвол судьбы, радовались, ремонтировали дома, покупали корову, а доктор Цитман, пока врачи и юристы всего мира пытались решить – легализовать или нет продажу донорских органов, тихо богател. Однако мировая и российская общественность так и не договорилась, и доброго доктора поймали и осудили под стоны молдавских крестьян, у которых почек еще было по две, а вот денег уже больше не предвиделось.

И что получается? Цитман сидел с Ельником и не мог не рассказать тому, как и за что оказался в камере. Какой мог сделать вывод Ельник? Да тот же, какой делал сейчас Андрей: продажа внутренних органов – выгодное дело. Но Ельник – не врач. Оперировать не умел. И если применял нож, то только с одной целью – убийства. Цитман и Ельник объединились? Один убивал, другой забирал органы?

Надо будет узнать, когда Цитман приезжал последний раз в Россию, а также, если возможно, когда разговаривал последний раз с Ельником.

Он сделал звонок в службу безопасности каждой из крупных компаний, обслуживавших Москву и область. Распечатки полугодовой давности пришли еще полчаса спустя по факсу.

Сначала Андрей пробежал глазами список в поисках кода Израиля. Код 972 нигде не фигурировал. Это было бы слишком просто – сам по себе номер телефона и распечатка ничего не значили. У Ельника могло быть энное количество номеров на чужие фамилии, он мог звонить из телефонной будки, да мало ли откуда еще! Но почти одновременно ему перезвонили из посольства в Израиле: нет, господин Цитман не пересекал с момента получения нового гражданства границу России.

Дверь, столь изящно отворившаяся перед Андреем, с лязгом захлопнулась: Цитман не мог участвовать в делах Ельника, по крайней мере по пересадке органов. Донорские органы нужно перевозить с предельной осторожностью и быстротой – если Айболита не было на месте, сам Ельник с задачей никак не справился бы. Но выпотрошенный живот Ельника подтверждал догадку о возможной связи между убийством бывшего киллера и продажей человеческих органов... Андрей попридержал дверь ногой: но если не Цитман, тогда, может быть, кто-нибудь другой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Дарья Дезомбре

ПРИ
ЗРАК
НЕБЕС
НОГО
ИЕРУСА
ЛИМА

МОСКВА
РЕКА
МОСКВА
FLUVIUS

БЕЛЫЯ РЕКА

